

Джованни Казанова

История Жака Казановы де Сейнгальт. Том 9

История Жака Казановы

Джованни Казанова

**История Жака Казановы
де Сейнгальт. Том 9**

«Автор»

Казанова Д. Д.

История Жака Казановы де Сейнгальт. Том 9 / Д. Д. Казанова — «Автор», — (История Жака Казановы)

«Погомас, который в Генуе назвался Пассано, поскольку все его знали, представил мне свою жену и свою дочь, некрасивых, грязных и наглых. Я быстро от них избавился, чтобы наскоро пообедать с моей племянницей и отправиться сразу к маркизу Гримальди. Мне не терпелось узнать, где обитает Розали. Лакей сенатора сказал мне, что его светлость находится в Венеции, и что его не ждут раньше конца апреля. Он отвел меня к Паретти, который женился через шесть или семь месяцев после моего отъезда. Сразу меня узнав, он показал, что рад меня видеть, и покинул свою контору, чтобы пойти представить меня своей жене, которая при виде меня испустила крик восторга и кинулась ко мне с распростертыми объятиями. Минуту спустя он нас покинул, чтобы пойти заняться своими делами, попросив жену представить мне свою дочь...»

© Казанова Д. Д.

© Автор

Содержание

Глава I	6
Глава II	16
Глава III	28
Глава IV	44
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Джованни Казанова
История Жака Казановы де Сейнгальт,
венецианца, написанная им самим
в замке Дукс, Богемия, том 9

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава I

Я вижу Розали счастливой. Синьора Изолабелла. Повар. Бириби. Ирен. Пассано в тюрьме. Моя племянница – старая знакомая Розали.

Погомас, который в Генуе назвался Пассано, поскольку все его знали, представил мне свою жену и свою дочь, некрасивых, грязных и наглых. Я быстро от них избавился, чтобы наскоро пообедать с моей племянницей и отправиться сразу к маркизу Гримальди. Мне не терпелось узнать, где обитает Розали.

Лакей сенатора сказал мне, что его светлость находится в Венеции, и что его не ждут раньше конца апреля. Он отвел меня к Паретти, который женился через шесть или семь месяцев после моего отъезда.

Сразу меня узнав, он показал, что рад меня видеть, и покинул свою контору, чтобы пойти представить меня своей жене, которая при виде меня испустила крик восторга и кинулась ко мне с распростертыми объятиями. Минуту спустя он нас покинул, чтобы пойти заняться своими делами, попросив жену представить мне свою дочь.

Розали, представив дитя шести месяцев, сказала мне, что она счастлива, что владеет сердцем и душой своего мужа, который, с помощью кредита г-на маркиза Гримальди настолько хорошо повел свою коммерцию, что теперь торгует в одиночку.

Розали стала совершенной красавицей. Она была мне бесконечно признательна, что я пошел повидаться с ней, едва прибыв в город, и настоятельно заявила, что ждет меня к обеду завтра.

– Мой дорогой и нежный друг, я обязана тебе своей судьбой и моим счастьем; поцелуемся и ограничимся этим, и завтра воздержимся от того, чтобы обращаться друг к другу на ты. Но кстати, подожди: у меня есть чем тебя удивить.

Она выходит и две минуты спустя возвращается с Вероникой. Она взяла ее к себе горничной. С удовольствием увидев ее снова и наслаждаясь ее удивлением, я ее обнял, спросив сразу новостей об Аннете; она ответила, что та чувствует себя хорошо и что она работает у нее вместе со своей матерью. Я сказал, чтобы она направила ее ко мне, чтобы служить горничной у моей племянницы в те две или три недели, что я собираюсь провести в Генуе. Она пообещала направить ее завтра, но Розали разразилась смехом и воскликнула:

– Еще одна племянница! Но в качестве племянницы ты, надеюсь, приведешь ее завтра с собой!

– С удовольствием, тем более, что она из Марселя.

– Из Марселя? Она может меня знать, но это неважно. Как ее зовут?

Назвав ей какое-то имя, я сказал, что она дочь кузины, которая была у меня в Марселе; она этому не поверила, но развеселилась, видя меня всегда расположенным к приятным приключениям.

Выйдя от нее, я направился к синьоре Изолабелла и передал для нее письмо маркиза Трюльци. Минуту спустя она вышла ко мне, говоря, что он ее предупредил и что она меня ждет. Она представила мне маркиза Агостино Гримальди *della pietra*, своего постоянного *чичисбея*, при долгом отсутствии ее мужа, который жил в Лиссабоне.

М-м Изолабелла была хорошо устроена, имела красивое лицо, ум тонкий и приятный, возраст в тридцать лет, тонкую и очень худую талию и лицо, покрытое белилами и румянами, но настолько неловко, что это сразу бросалось в глаза. Это мне не понравилось, несмотря на ее черные глаза, которые были замечательны. Полчаса спустя я откланялся, получив приглашение на ужин на завтра.

Возвратившись в мое жилище, я был рад убедиться, что моя племянница очень хорошо устроилась в комнате, которая была отделена от моей только кабинетом, в котором, я сказал

ей, я поселю горничную, которую я нанял для нее, и которую она увидит завтра. Она меня поблагодарила. Я сказал, что она пойдет со мной обедать в дом негоцианта, в качестве моей племянницы, и она выразила мне признательность за все мои заботы о ней. Эта девушка, которую ла Круа довел до сумасшествия, была хорошенькая, как ангел, но ее благородный тон и нежный характер своей редкостью превосходили ее прелести. Мне это все очень понравилось, и раскаяние в том, что я не соединился с ней с первого же дня, ранило мне душу. Если бы я поймал ее на слове, я бы спокойно стал ее любовником, и, возможно, заставил бы полностью забыть ла Круа.

Поскольку я не обедал, я сел за стол сильно оголодавшим, как и моя племянница, обнаружившая изрядный аппетит. Мы оба посмеялись, найдя наш ужин весьма дурным. Я сказал Клермону позвать хозяйку.

Вина здесь на поваре, – сказала она. Это кузен вашего секретаря Пассано, тот его привел к вам. Если бы поручили это мне, я дала бы вам превосходного повара, и по наилучшей цене.

– Приведите мне его завтра.

– Охотно; но прежде пусть этот убирается. Он у меня вместе с женой и детьми. Это Пассано их привел, пусть он от них и избавится.

– Предоставьте это мне. А пока задержите у меня вашего; я испытаю его послезавтра.

Я сопровождал племянницу в ее комнату и попросил ее ложиться, не обращая на меня внимания. Я читал газету. Почитав, я направился поцеловать ее и пожелать ей доброй ночи, сказав, что она могла бы пожалеть меня, не заставляя спать в одиночку. Она не ответила.

На следующий день она вошла в мою комнату в тот момент, когда Клермон мыл мне ноги, и попросила приказать ему подать ей кофе с молоком, так как шоколад слишком разгорячает; я направил Клермона за кофе, и она стала передо мной на колени, чтобы меня вытереть.

– Мне этого не нужно.

– Почему нет? Это знак дружбы.

– Вы можете оказывать такие знаки лишь любовнику.

Она опустила свои красивые глаза и села рядом со мной. Вернулся Клермон, обтер меня, обул, и хозяйка принесла кофе для нее и шоколад для меня. Она спросила у нее, не хочет ли та купить прекрасную мантилью из Пекина, по моде Генуи, и я сказал, чтобы она принесла показать. Она вышла сказать торговке, чтобы та поднялась, и в ожидании я дал племяннице двадцать генуэзских цехинов, сказав, что это ей для ее мелких надобностей. Она взяла их с изъявлениями благодарности, позволив при этом расцеловать себя с наилучшей грацией. Поднялась торговка, она выбрала, поторговалась и заплатила.

Пришел Пассано с упреками по поводу повара.

– Я нанял его по вашему приказу, – сказал он, – на все время вашего пребывания в Генуе, за четыре ливра в день, с жильем и питанием.

– Где мое письмо?

– Вот оно: *«Разыщите мне хорошего повара, которого я оставлю у себя на все время, что буду в Генуе»*.

– Я сказал вам *«хорошего»*, а он не хорош. Только мне судить, хорош ли он.

– Вы ошибаетесь, потому что он докажет, что он хорош; он вчинит вам иск, и вы окажетесь виноваты.

– Вы заключили с ним соглашение письменно?

– Подписанное вами.

– Я хочу на него взглянуть. Велите ему подняться.

Я приказал Клермону пойти привести адвоката. Поднялся повар, вместе с Пассано, и я вижу соглашение, подписанное двумя свидетелями и составленное таким образом, что, *stricto*

*jure*¹, я должен оказаться виноват; я ругаюсь, но это не меняет сути дела. Повар говорит, что он хорош, и что он найдет в Генуе четыре тысячи персон, которые подпишут, что он хороший повар. Приходит адвокат и говорит мне то же самое; он говорит мне сверх того, что я не найду никого, кто бы захотел сказать, что тот плох.

– Это может быть, – говорю я ему; но я хочу, чтобы он ушел, потому что я хочу взять другого, и я ему, тем не менее, заплачу.

– В этом случае, – говорит мне повар, я попрошу у вас в судебном порядке соответствующую компенсацию за мою поруганную репутацию.

Тут я начинаю смеяться, ругаясь, и в этот момент приходит дон Агостино Гримальди. Когда ему объяснили суть дела, он рассмеялся, пожал плечами и сказал мне не ходить в суд, так как меня засудят, и оплатить расходы.

– Вас подвел, – сказал он, – если он не «*una bestia*» (скотина), ваш комиссионер, который должен был предварительно его испытать, как поступают со всеми поварами.

Пассано на это говорит, прерывая его, что он не обманщик и не *bestia*. Хозяйка же добавляет, что повар его кузен.

Итак, я плачу адвокату и отсылаю его, и говорю повару спускаться к себе. После этого я спрашиваю у Пассано, должен ли я ему денег; он отвечает, что, наоборот, я заплатил ему за месяц вперед, и что он должен мне служить еще десять дней.

– Очень хорошо, я дарю вам эти десять дней и сейчас же прогоняю вас, по крайней мере, если ваш кузен не уйдет от меня сегодня же, вернув вам это дурацкое соглашение, что вы с ним заключили. Идите.

Они все ушли; после чего г-н Гримальди сказал, что я решил свой процесс шпагой, как Александр². Он попросил меня представить его даме, что он видит перед собой, и я сказал, что это моя племянница. Он сказал, что я доставлю большое удовольствие м-м Изолабелла, представив ее той, и я уклонился от этого, сказав, что маркиз Трюльци не упомянул ее в своем письме. Минуту спустя он ушел, и вот – Аннет вместе со своей матерью. Она стала ослепительна. Маленькие желтоватые пятнышки, что были у нее на лице, исчезли, ее зубы стали белыми, она выросла, и ее грудь, достигшая совершенства, была прикрыта газом. Я представил ее ее хозяйке, чье удивление меня позабавило. Я показал ей ее кровать, сказав ее матери, чтобы принесла ее пожитки. Занявшись своим туалетом, я сказал племяннице идти заниматься своим с Аннетой, которая была обрадована, оказавшись снова со мной. К полудню, когда мы были готовы выйти, моя хозяйка пришла представить мне моего нового повара, и вернуть мне контракт, который заключил Пассано со своим кузеном. Эта комичная победа меня развеселила. Я дал распоряжение новому повару насчет обеда, какой я хочу, и направился в портшезе к Розали, в сопровождении своей племянницы.

Я увидел блестящую компанию, в отношении как женщин, так и мужчин, и отметил удивление Розали при виде моей племянницы, как и той – при виде Розали.

Розали, поцеловав меня, назвала ее ее именем, и та ответила комплиментом, который заканчивался заверением, что первой новостью, которую сообщит она ее матери, будет та, что она встретила ее в Генуе, прекрасную и счастливую. Они вышли вместе в соседнюю комнату, как я и ожидал, и вернулись через четверть часа с очень довольным видом. Но сцена на этом еще не кончилась. Вошел Паретти, и Розали представила ему мою племянницу, сказав, что это м-ль ХХХ. Он приветствовал ее; он состоял в переписке с ее отцом; он торопливо вышел и вернулся минуту спустя, держа в руке письмо от ее отца, которое показал ей, и моя племянница поцеловала подпись. Видя ее взволнованной и готовой заплакать, я сам не мог сдержать слез;

¹ строго говоря

² с Гордиевым узлом – прим. перев.

я убедил Розали сказать мужу, что тот по важным соображениям должен воздержаться от того, чтобы передать эту новость отцу девушки.

Обед получился блестящий, и Розали восприняла похвалы с большой непринужденностью; но наибольшие почести от всех присутствующих получила моя так называемая племянница, которая, в качестве дочери г-на ХХХ, известного негоцианта из Марселя, приковала к себе внимание молодого человека, которого господь предназначил ей в мужа. Какое удовольствие для меня было узнать в нем министра!

Что до Розали, она меня удивила. Она казалась действительно рожденной, чтобы быть хозяйкой большого дома. Она искренне воздала должное всему, что я нашел достойным похвалы, вплоть до прекрасной посуды и тонких вин. Мы поднялись из-за стола очень довольные и весьма веселые.

Захотели организовать партию в карты, но Розали, зная, что я не люблю такие азартные игры, предложила сыграть в тридцать-сорок в круговую. Игра заняла нас вплоть до времени ужина, при том, что никто не счел себя сильно проигравшим. В полночь мы разошлись, все довольные проведенным днем.

Возвратившись домой и оказавшись наедине со своей племянницей, я сразу спросил, каким образом она познакомилась с Розали в Марселе.

– Я познакомилась с ней у себя, когда она пришла вместе со своей матерью принести белье. Я ее всегда любила. Ей на два года больше, чем мне. Я ее сразу узнала. Она мне сказала, что это вы заставили ее покинуть Марсель, и что вам она обязана своей счастливой судьбой, но не рассказывала мне этого в деталях. Что касается меня, я сказала ей лишь то, о чем она сама могла догадаться. Я призналась ей, что вы не мой дядя, и если она думает, что вы мой любовник, меня это не беспокоит. Вы не представляете себе, насколько сегодняшний прием мне был приятен; вы рождены, чтобы делать людей счастливыми.

– Но ла Круа!

– Прошу вас не говорить о нем.

Она меня разожгла. Она кликнула Аннет, и я направился спать. Но, уложив свою хозяйку в постель, та пришла к моей кровати, как я и ожидал.

– Если правда, – сказала мне она, – что мадам ваша племянница, могу ли я надеяться, что вы меня еще любите?

– Да, моя дорогая Аннета, я тебя люблю; иди разденься и приходи со мной поболтать.

Я провел с этой редкостной девочкой два замечательных часа, которые утихомирили пламя, что разожгла во мне моя племянница.

Назавтра пришел Пассано сказать, что он урегулировал дело с поваром, использовав шесть цехинов, и я ему их вернул, попросив быть более разумным в будущем.

Я направился завтракать к Розалии, чтобы пригласить ее на завтра обедать ко мне, вместе со своим мужем и еще четырьмя людьми по собственному выбору, сказав при этом, что именно она мне скажет, хорош ли повар, которого я собираюсь нанять. Пообещав мне прийти, она захотела узнать историю моих амуров с м-ль ХХХ, но когда я сказал, что действительно не могу ей ничего сказать, она ответила, что не собирается выслушивать от меня сказки. Однако была очарована, услышав от меня, что та мне рассказала о ней. Она спросила у меня, сочту ли я дурным, если она придет ко мне обедать вместе с молодым человеком, который за столом оказывал ей большие знаки внимания.

– Кто он? Мне это интересно.

– Он такой-то. Он единственный сын богатого негоцианта.

– Приводи его. Прощайте, мои старые любви.

Выходя, я попросил Паретти дать мне хорошего местного слугу, и он направил мне превосходного в тот же день. Я застал племянницу еще в постели. Я сказал ей, что Розали придет к нам обедать завтра, и что она может быть уверена, что муж Розали не напишет ее отцу о том,

что она находится в Генуе. Она поблагодарила меня, потому что она об этом беспокоилась. Поскольку мне нужно было ужинать в этот день в городе, я сказал ей, что она может пойти ужинать к Розали, по крайней мере, если не предпочитает ужинать одна.

– Дорогой дядюшка, вы проявляете обо мне столько заботы, что это меня тяготит. Я пойду к Розалии.

– Довольны ли вы Аннет?

– Кстати. Она сказала мне, что спала этой ночью с вами, и что вы были у нее первый любовник, в то же время, как и у ее сестры Вероники.

– Это правда, но это нескромная болтовня.

– Надо ее извинить. Она сказала мне, что она согласилась на это только после того, как вы поклялись ей, что я ваша племянница; и еще, вы понимаете, что она доверилась мне лишь для того, чтобы похвастаться. Она полагает, что этим заслужит от меня некоторого рода уважение, и она права. Я должна уважать девушку, которую вы любите.

– Мне бы больше понравилось, если бы вы ощутили право поэтому ревновать. Даю вам слово, что если она не проявит к вам должного уважения, я выставлю ее за дверь. Вы можете не любить меня, и мне это не может нравиться; но вы не обязаны мне в этом потворствовать.

Я не был раздосадован тем, что моя племянница узнала, что я имел Аннету; но я был слегка задет тем, как она это восприняла. Я понял, что она не имеет никакой склонности ко мне, и мне казалось, более того, что она рада видеть себя освобожденной этим от риска, как ей казалось, проводить все дни тет-а-тет со мной, любующимся ее прелестями.

Мы обедали одни, и вкусные блюда моего повара внушили нам большие надежды относительно него. Слуга, которого мне пообещал Паретти, прибыл; я сказал племяннице, что он принадлежит ей. Погуляв с ней в коляске пару часов, я отвез ее к Паретти и там оставил. Я отправился к м-м Изолабелла, где нашел весьма многочисленную компанию – мужчин и дам самой знатной категории.

Развлечение, которому предавались там вплоть до времени ужина, была игра *бириби*, от которой женщины в особенности были без ума. В Генуе эта игра была запрещена, но в частных домах ею развлекались свободно, и правительство по этому поводу ничего не говорило. Игроки, приверженные ей, ходили по домам, где их принимали, и где они встречались. В этот вечер их судьбе было угодно, чтобы они оказались у м-м Изолабелла, и поэтому у нее собралось столь большое общество. Чтобы делать то же, что и все, я стал играть. В зале, где играли, был портрет мадам, одетой в костюм Арлекина, и на доске для игры в бириби был также портрет Арлекина; чтобы любезничать с хозяйкой, рядом с которой я уселся, я поставил цехин на Арлекина. На доске было тридцать шесть фигурок, выигравший получал тридцать две своих ставки. Каждый игрок в свою очередь доставал шарик из мешка три раза подряд. Держателей бириби было трое. Один – держал мешок, другой – деньги, третий – доску, он же собирал деньги, которые выпадали на шансы, когда вынимали шарик. Банк содержал две тысячи цехинов, или около того. Стол, красивый ковер и четыре серебряных подсвечника принадлежали держателям. Можно было поставить на номер, сколько хочешь. Я ставил каждый раз цехин.

М-м Изолабелла, первой доставала шарик, и мешок перемещался от нее вправо, мой черед наступал последним. Поскольку игроков было пятнадцать – шестнадцать, когда наступил мой черед, я потерял к этому времени уже почти пятьдесят цехинов, поскольку Арлекин ни разу не появлялся. Мне было жалко.

Но к концу, когда настал мой черед, я достал шарик и попался Арлекин. Мне выплатили тридцать два цехина. Я поставил их все на того же Арлекина, он выпал, и мне должны были выплатить тысячу. Я оставил пятьдесят и вытянул третий раз, опять Арлекина. Мне выдали все деньги, что там были, и, поскольку этого не хватило, мне досталось все – стол, ковер, доска бириби и четыре серебряных шандала. Все смеялись, аплодировали мне, освистали разоренных и осмеянных мошенников и выставили их за дверь. Но после раскатов смеха я увидел, что

дамы огорчены. Игра окончилась, они не знали, что еще делать. Я посочувствовал им, сказав, что сам буду держать бириби, и объявил, что не желаю никакого преимущества; я хочу платить тридцать шесть. Меня нашли замечательным. Я развлекал всех вплоть до времени ужина, не проиграв и не выиграв. Я упросил мадам, так что она разрешила продолжить всю эту лавочку. Это приключение забавляло нас в течение всего ужина. Оставшись последним, я пригласил на обед мадам и ее маркиза, и они согласились. Я велел отнести в мою коляску тяжелый мешок, где лежали три сотни цехинов серебром, и направился к Розали, чтобы отвезти домой мою племянницу, которая сказала мне, что провела восхитительный вечер.

– Очень любезный молодой человек, – сказала мне она, – которого Розали приведет к нам завтра обедать, наговорил мне сотню любезностей, и среди прочих – что он хочет приехать в Марсель, чтобы познакомиться с моим отцом, чтобы иметь возможность ухаживать за мной. Он будет разочарован.

– Почему?

– Потому что он меня не увидит. Моим миром станет монастырь. Мой отец, человек гуманный и добрый, мне простит, я сама себя накажу.

– Это меланхолическая идея, от которой вы должны отказаться. Вы созданы, чтобы составить счастье супруга, достойного вас и независимого, насколько это возможно, от фортуны. Чем больше я вас изучаю, тем более убеждаюсь в том, что я вам говорю.

Я отметил с удовольствием хорошее обращение моей племянницы с Аннетой, когда она ее раздевала, и некоторую небрежность этой последней, которая мне не понравилась. Когда она пришла ложиться, я сделал ей по этому поводу мягкие упреки, на которые она должна была отвечать мне только ласками, но отнюдь нет – она вознамерилась заплакать. Слезы красивой девушки в объятиях своего любовника, который готов над ними посмеяться, вызвали раздражение.

– Будь веселее, – сказал я ей, – или иди в свою постель.

При этих словах она вырвалась из моих рук и покинула меня; я заснул в дурном настроении.

Наутро, тоном хозяина, я сказал ей, что она нанесла мне жестокое оскорбление, и что я ее отошлю, если она повторит это еще раз; вместо того, чтобы успокоить меня, она снова заплакала, и, в раздражении, я пошел посчитать мои деньги. Полчаса спустя пришла моя племянница и спросила меня нежным и чувствительным тоном, почему я обидел бедную Аннет.

– Дорогая племянница, скажите ей, чтобы была разумной.

Она взяла со смехом горсть моих экю и ушла. Минуту спустя я увидел Аннет веселой, она с этими экю в переднике явилась меня обнять, обещая мне не плакать больше никогда в жизни. Таков был ум моей племянницы, которая хотела, чтобы я ее любил, но не хотела иметь меня в качестве любовника. В наборе женских способов кокетства приемы такого рода широко распространены.

Пассано явился ко мне без вызова и поздравил с победой.

– Кто вам про это рассказал?

– Все говорят в кафе. Это замечательная новость, потому что *бирибисты* – мошенники, поднаторевшие в своем мастерстве. Это приключение заставит говорить о вас, потому что считают, что невозможно разорить их таким макарон без того, чтобы не сговориться с тем, кто держит мешок.

– Друг мой, вы мне надоели. Передайте этот кусочек вашей жене и подите вон.

Кусочек золота, что я ему дал, стоил сотню генуэзских ливров. Это была монета, которую правительство выпустило для удобства внутреннего обращения. Были также такие монеты в пятьдесят и двадцать пять ливров.

Я продолжал считать мое золото и серебро. Клермон передал мне записку. Это было нежное приглашение Ирен, которая желала, чтобы я пришел с ней позавтракать. Она дала

мне свой адрес. Моя дорогая Ирен в Генуе! Заперев на ключ мои монеты, я отправился туда неодетый; я нашел ее хорошо устроенной, она сказала, что мебель ее, и ее старый отец, граф Ринальди, обнял меня, проливая слезы радости. Он поздравил меня.

– Три тысячи цехинов, – сказал он, – это неплохо.

– Да, – настойчивость и везение.

– Забавно здесь то, что человек, получивший мешок, связан с двумя другими хозяевами бириби.

– Что вы находите в этом забавного?

– Потому что, ничего не теряя, он должен получать половину от сумм, без этого условия с вами никто не будет договариваться.

– Вы верите, что это так?

– Все в это верят. Дело не может обстоять иначе. Это мошенник, который ловит свою удачу, обманывая других мошенников. Все *греки* Генуи им восхищаются, и вы прославились.

– В качестве еще большего мошенника.

– Вас так не называют, по крайней мере явно; вас считают умницей и одобряют.

– Большое спасибо.

– Я слышал эту историю от одного человека, который присутствовал на этом забавном сражении. Он говорит, что второй и третий раз вы узнали шарик на ощупь через посредничество человека, держащего мешок.

– И вы убеждены, что это так.

– Я в этом уверен. Нет такого порядочного человека, который на вашем месте не захотел бы получить возможность сделать так же. Но я советую вам быть начеку при разговоре, который у вас будет с человеком мешка, о том, чтобы отдавать ему его половину. За вами будут шпионить. Если хотите, я вам послужу.

У меня хватило сил сохранить хладнокровие, ничего не ответить, подняться и строго отстранить Ирен, которая, как она это делала в Милане, захотела помешать мне уйти. Эта клеветническая история, которая в среде профессиональных игроков создавала мне высокую репутацию, ранила мне душу. Пассано и Ринальди достаточно мне сказали, чтобы не сомневаться в широкой огласке произошедшего, и я не удивлялся, что этому поверили, но я не хотел и не мог с этим согласиться. Я отправился на *strada Balbi*, чтобы рассказать обо всем маркизу Гримальди и в то же время вернуть ему визит. Он сидел в своем магистрате; меня к нему провели, обо мне объявили, он вышел, поблагодарил меня за беспокойство и, выслушав всю историю, ответил, смеясь, что я должен не обращать на это внимания и тем более не стараться ее опровергать.

– Вы советуете мне согласиться с тем, что я мошенник.

– Только дураки станут называть вас мошенником; не обращайтесь на них внимания, по крайней мере, если не говорят вам это в лицо.

– Хотелось бы мне знать, кто тот патриций, который рассказал об этой истории, и который говорил, что присутствовал при этом.

– Он зря это рассказал; но вы также ошибетесь, если будете разузнавать его имя. Он не собирався, рассказывая ее, сказать о вас плохое, ни причинять вам зло.

– Восхитительно. Вы полагаете, что если дело обстояло так, как о нем рассказывают, это делает мне чести?

– Ни вины, ни чести. Вас любят, над этим смеются, и каждый говорит, что на вашем месте поступил бы так же.

– И вы в том числе.

– Да. Будучи уверен, что на шарике есть Арлекин, я бы разорил банк, как сделали и вы. Скажу вам честно, что я не знаю, выиграли ли вы благодаря везению или ловкости, но если бы

я должен был дать заключение, основываясь на наиболее правдоподобном предположении, я сказал бы, что вы знали о шарике. Поверьте, что я рассуждаю здраво.

– Я этому верю, но вы исходите из предположения, которое меня бесчестит. Согласитесь также, что все те, кто полагает меня способным выиграть с помощью ловкости, меня оскорбляют.

– Это зависит от образа мыслей. Я допускаю, что они вас оскорбляют, если вы чувствуете себя оскорбленным; но они не могут об этом догадаться, и, соответственно, не имея намерения вас оскорбить, они вас и не оскорбляют. Впрочем, вы не найдете никого, настолько наглого, чтобы сказал, что вы выиграли за счет ловкости; однако, вы не можете помешать им так думать.

– В добрый час. Пусть так думают, но пусть остерегутся мне это сказать. Прощайте, господин маркиз, до часа обеда.

Я вернулся к себе, сердитый на Гримальди, на Ринальди, сердитый, что грубо обошелся с Ирен, которую любил, и сердитый на то, что сержусь, потому что мог бы над этим посмеяться; при теперешнем развращении нравов это дело не могло повредить моей чести. Моя репутация была репутацией человека умного, в том значении, которое облагораживает в Генуе более, чем в любом другом месте, тот неприятный смысл, который придавали у янсенистов неприятному имени мошенник. Я размышлял, наконец, о том, что мне не следует проявлять слишком много щепетильности, отобрав бириби тем способом, который, как считают, я применил, если действительно человек с мешком, предварительно со мной свяжется, если это послужит лишь для развлечения прекрасной компании с помощью красивого подвига; но если дело не сложится подобным образом, я не могу позволить, чтобы кто-то действительно выкладывал подобное.

Я постарался справиться со своим дурным настроением для доброй компании, что ждал к обеду. Ко мне явилась моя племянница, у которой не было ни бриллиантов, ни часов и никаких украшений – ее несчастный любовник все с нее продал, – но хорошо одетая и превосходно причесанная, она блистала, как только можно желать.

Пришла Розали, богато убранная, затем Паретти со своими дядей и тетей и с двумя друзьями, чье состояние льстило моей племяннице. Значительно позже явилась м-м Изабелла вместе с г-ном Гримальди. Перед тем, как мы собрались садиться за стол, Клермон объявил о некоем человеке, который хочет со мной поговорить. Я сказал пригласить его, и г-н Гримальди сказал мне, что это человек, который является держателем мешка от бириби.

– Чего вы хотите от меня?

– Я пришел попросить вас о помощи. Меня высылают; а у меня есть семья. Думают, что...

Я не дал ему кончить. Я сказал Клермону, чтобы тот дал ему четыре цехина, и я его выпроводил.

Мы сели за стол, – и вот, опять Клермон, он передает мне письмо. Я вижу подпись Пассано и кладу его в карман, не вскрывая.

Мой обед протекал очень весело, все отдали должное искусству моего повара. М-м Изабелла блистала на первом плане, но Розали и племянница ее затмевали. Молодой генуэзец все свое внимание уделял только моей племяннице, и она, как мне казалось, была к этому чувствительна. Мне хотелось увидеть ее влюбленной в кого-то, кто смог бы заставить ее отказаться от безнадежной идеи пойти затвориться в монастыре. Она могла бы снова стать счастливой, лишь отказавшись от воспоминаний о несчастном, который поставил ее на край пропасти.

Вот письмо, которое мне написал Пассано:

«Я отправился в «Банчи»³, чтобы обменять на деньги кусочек в сотню ливров, который вы мне подарили. Его взвесили и нашли, что он на десять карат легче своей величины, его у меня конфисковали, приказав мне сказать, от кого я его получил. Вы понимаете, что я не должен был на это отвечать. Меня отправили в тюрьму, и если вы не найдете способа меня оттуда

³ банк

вытащить, меня ждет уголовный суд. Вы понимаете также, что я не могу дать себя повесить. Остаюсь..., и т. д.»

Я передал письмо г-ну Гримальди. Прочитав его, он сказал, отведя меня в сторону, что это очень плохое дело, которое, прямо говоря, можно решить, только передав палачу того, кто подпилил кусочек.

– Повесят держателей бириби. Пусть их повесят.

– М-м Изолабелла будет скомпрометирована, поскольку бириби запрещена повсюду. Я должен переговорить с Государственными Инквизиторами. Позвольте мне действовать. Напишите Пассано, чтобы он продолжал молчать, и что вы обо всем позаботитесь. Закон относительно подпиливания монет суров только в части этих кусочков, потому что правительство хочет, чтобы они получили хождение в Генуе, и чтобы подпиливатели, будучи примерно наказанными, его уважали.

Я написал, соответственно, Пассано и велел принести весы. Мы взвесили все золотые кусочки, что я выиграл в бириби, и нашли их легче на сумму двух тысяч генуэзских ливров. Г-н Гримальди распорядился их порезать и продать ювелиру.

Поскольку дело было сделано, г-н Гримальди предложил мне партию в пятнадцать тет-а-тет. Это игра тет-а-тет очень неприятная, но я согласился. При ставке в четыре цехина я проиграл в четыре часа пять сотен цехинов.

Назавтра, к полудню, он пришел ко мне сказать, что Пассано уже не в тюрьме, и что ему вернули стоимость его кусочка. Он принес мне также двенадцать или тринадцать сотен цехинов, что получил от ювелира, которому продал изрубленные кусочки золота. Я поблагодарил его за все и сказал, что завтра пойду к м-м Изолабелла, и попрошу у него реванша в пятнадцать.

Я застал его наедине с его дамой. Мы должны были поужинать вдвоем, но не стали. Мы стали играть и кончили только в два часа по полуночи. Я проиграл три тысячи цехинов, из которых тысячу заплатил назавтра, передав ему платежные поручения от меня на остальные две тысячи. По истечении срока его оплаты я был в Англии, и я их опротестовал. Пять лет спустя меня по доносу предателя присудили к тюремному заключению в Барселоне, но г-н Гримальди повел себя благородно. Он написал мне письмо, в котором раскрыл имя моего врага и заверил меня, что не сделает никогда ни малейшего демарша против моей персоны, чтобы заставить меня ему заплатить. Дело было возбуждено Пассано, который, без моего ведома, находился тогда в Барселоне. Я об этом поговорю, когда окажусь там. Все те, кого я взял к себе, с тем, чтобы они мне послужили в тех глупостях, что я творил с м-м д'Юрфэ, меня предали, за исключением венецианки, с которой я познакомлю моего дорогого читателя в следующей главе.

Несмотря свои потери, я жил хорошо, и деньги меня не беспокоили, потому что, наконец, я потерял только деньги, которые выиграл в бириби. Розали приходила обедать ко мне, и я приходил к ней каждый вечер, ужиная вместе со своей племянницей, любовные дела которой становились с каждым днем все серьезней. Я говорил ей об этом, но ее не покидала идея запереться в монастырь, и она сказала мне в начале святой недели, что ее решение стало непоколебимым, поскольку ей к этому времени стало очевидно, что она не беременна.

Она стала испытывать по отношению ко мне такое чувство дружбы и настолько большое доверие после того, как я заимел Аннет, что она часто приходила по утрам, присаживалась на моей кровати, когда та еще находилась в моих объятиях. Она смеялась, видя наши нежности, и казалось, участвовала в наших любовных удовольствиях. Было странно, что своим присутствием она увеличивала мое. Я заглушал с помощью Аннет желания, которые пробуждала во мне моя племянница, и которые я не мог погасить с ней и в ней. Аннет в своей недалековидности не могла заметить моей раздвоенности. Племянница знала, что ее присутствие доставляет мне удовольствие, и я знал, что то, что она видит, что я делаю, не может ей быть безразлично. Когда она думала, что я исчерпался, она просила Аннет подниматься и оставить ее наедине со

мной, поскольку она хочет что-то мне сообщить. Аннет вставала и уходила. Тогда, оставшись со мной, она смеялась, и не сообщала мне ничего важного. Сидя рядом со мной в самом полном неглиже, она полагала, что ее чары не имеют на меня никакой силы. Она ошибалась, и я не пытался ее разубедить, из опасения потерять ее доверие. Моя племянница не понимала, что она не Аннет, и что Аннет не она. Я ее оберегал. Я чувствовал уверенность, что она вознаградит меня, в конце концов, позже, после нашего отъезда из Генуи, когда мы окажемся в весьма свободных условиях тет-а-тет, в которых бывают в путешествии, в нежном безделье, в котором, при отсутствии занятий, проявляют себя в полной мере силы тела и души. Тогда можно болтать, настаивать, убеждать и даже смеяться; можно действовать, и действуют, потому что не осознают, что происходит. Думают лишь потом, и довольны, что все уже произошло.

Но история моего путешествия из Генуи в Марсель была записана в великой книге судьбы. Не имея возможности ее прочитать, я не мог и знать его обстоятельств. Я знал только, что должен ехать, потому что меня ждала в Марселе м-м д'Юрфэ. С этим путешествием были связаны решающие комбинации, от которых должно было зависеть состояние самого красивого из всех женских созданий: венецианки, которая со мной не была еще знакома и не знала, что я существую, чтобы явиться инструментом ее счастья. Я не знал, что должен был остановиться в Генуе, чтобы ее там ждать, поскольку я не знал, что она есть в числе человеческих созданий.

Поскольку я наметил отъезд на второй день Пасхи, у меня еще было шесть дней. Я прикинул свои расчеты с банкиром, к которому меня адресовал Греппи, и взял кредитное письмо на Марсель, где, поскольку там находилась м-м д'Юрфэ, я не мог испытывать нужды в деньгах. Я попрощался с м-м Изабеллой, чтобы жить всю неделю в полной свободе, единственно с Розали и ее семьей, и часто приезжал в ее загородный дом.

Глава II

Мой брат аббат и его непорядочность. Я завладеваю его любовницей. Отъезд из Генуи. Принц Монако. Моя племянница побеждена. Прибытие в Антибы.

В святой вторник утром Клермон сказал мне, что иностранный аббат, который не хочет сказать свое имя, желает со мной говорить. Аннета пошла прислуживать своей хозяйке. Я пригласил в этот день обедать к себе Розали, всю ее семью и ее друзей.

Я вышел из своей комнаты в ночном колпаке, чтобы посмотреть, что это за аббат. Я увидел личность, которая бросилась мне на шею и крепко обняла. В комнате было темно. Я подошел к окну и увидел младшего из своих братьев, которым я всегда пренебрегал, которого не видел уже десять лет и который меня столь мало интересовал, что я не интересовался даже о его существовании в переписке, которую поддерживал с г-дами де Брагадин, Дандоло и Барбаро.

Как только эти дурацкие объятия прекратились, я спросил у него холодно, какие приключения занесли его в Геную в том плачевном состоянии, в каком я его вижу, потому что он был грязный, мерзкий и оборванный; от него остались только красивое лицо, прекрасные волосы, цветущий вид и возраст двадцать девять лет. Он родился, как Магомет, через три месяца после смерти моего отца.

– Если я должен, дорогой брат, рассказывать всю историю моих несчастий, она будет долгой. Пойдем же в вашу комнату, и я расскажу вам все с наибольшей правдивостью.

– Ответь сначала на все мои вопросы. С каких пор ты здесь?

– Со вчерашнего вечера.

– Кто тебе сказал, что я здесь?

– Граф А.Б. в Милане.

– Кто тебе сказал, что граф меня знает?

– Я прочел месяц назад в Венеции на столе г-на де Брагадин письмо, которое он вам писал, адресованное в дом этого графа.

– Ты сказал ему, что ты мой брат?

– Я должен был в этом признаться, когда он сказал, что я на вас похож.

– Он тебя обманул: ты животное в душе.

– Он пригласил меня обедать.

– Такого оборванного. Ты оказал мне много чести.

– Он дал мне четыре цехина, без чего я не смог бы явиться сюда.

– Он сделал глупость. Ты просишь милостыню. Почему ты покинул Венецию и что ты хочешь от меня?

– Ах! Прошу тебя, не ввергай меня в отчаяние, потому что, по правде говоря, я готов себя убить.

– Я в это не верю; но почему ты покинул Венецию, где, со своими мессами и своими подаяниями, ты жил?

– Это часть моей большой истории. Войдем.

– Отнюдь. Подожди меня здесь. Мы пойдем куда-нибудь, где ты расскажешь мне все, что хочешь. Остерегись говорить моим людям, что ты мой брат, потому что я этого стыжусь.

Я быстро пошел одеться во фрак и сказал ему вести меня в свою гостиницу.

– Должен вас предупредить, что в своей гостинице я нахожусь в компании, и что я могу говорить с вами только тет-а-тет.

– В компании кого?

– Я скажу вам это. Пойдем в какое-нибудь кафе.

– Но что это за компания? Говори сразу, это воры? Ты вздыхаешь?

– Это девушка.

– Девушка? Ты священник.

– Ослепленный любовью, соблазненный ею, я ее соблазнил. Я пообещал ей жениться в Женеве, и очевидно, что я не смею больше вернуться в Венецию, потому что я ее умыкнул из дома ее отца.

– Что ты станешь делать в Женеве? Тебя пустят только на три дня, потом выгонят. Пойдем в твою гостиницу; я хочу видеть девушку, которую ты обманул. Ты мне расскажешь наедине все потом.

Я направился в гостиницу, которую он назвал, он должен был следовать за мной; я вхожу, и здесь он меня опережает, поднимается на третий этаж, где я вижу в темном чулане девушку, очень юную, высокого роста, брюнетку, красивую, пикантную, гордого вида, но при этом смущенную, которая, не здороваясь со мной, спрашивает, не брат ли я этого лжеца, который ее обманул. Я отвечаю ей, что да.

– Сделайте же, пожалуйста, доброе и благородное дело и отправьте меня в Венецию, потому что я не хочу больше оставаться с этим мошенником, которого я слушала как дурочка, который рассказывал мне сказки, что запутали мне мозги. Он должен был найти вас в Милане, где вы должны были дать ему денег, чтобы направиться в Женеву на почтовых, и где, как он мне сказал, священники женятся, став реформатами. Он сказал мне, что вы ждете его, но вас там не было. Он достал денег, уж не знаю как, и увез меня сюда. Бог судил, чтобы он вас нашел, потому что без этого я завтра бы пошла пешком, прося милостыню. У меня нет ничего, кроме рубашки на теле. Он продал в Бергамо три другие, что у меня были, после того, как продал в Вероне и в Бреши чемодан и все, что у меня в нем было. Он свел меня с ума. Он заставил меня поверить, что мир вне Венеции это рай; я заинтересовалась этим и покинула мой дом; я убедилась, что он и в тысячу раз не таков, как у нас. Будь проклят час, когда я узнала этого обманщика. Это нищий, который говорит все время как на проповеди. Он хотел спать со мной, как только мы прибыли в Падую, но я не была столь глупа. Я хотела сначала посмотреть на это бракосочетание в Женеве. Вот записка, которую он мне написал. Я вам ее подарю; но если у вас добрая душа, отправьте меня в Венецию, без того, чтобы я была вынуждена идти туда пешком.

Я выслушал всю эту тираду стоя и в истинном изумлении. Этой трагической сцене придавал комический оттенок мой брат, который, сидя и держа голову зажатой между рук, должен был слушать всю эту жестокую историю. Без вздохов, которые он выпускал время от времени, я мог бы подумать, что он спит.

Эта грустная авантюра меня странным образом задела. Я увидел, что должен позаботиться об этой девочке и развязать этот дурно завязанный узел, отправив ее в надежные руки на ее родину, которую она, быть может, не покинула бы, если бы не понадеялась на меня, как вздумал ей внушить мой брат. Характер этой девушки, совершенно венецианский, поразил меня еще более, чем ее очарование; ее искренность, ее справедливое негодование, самолюбие, смелость мне понравились; она не просила меня, чтобы я вернул ее обратно, но заявляла, что по чести я не могу ее оставить в беде. Я не мог сомневаться в правдивости ее рассказа, поскольку мой брат, здесь присутствовавший, хранил молчание, как истинно виновный. Жалость, которую он мог мне внушить, не могла быть отделена от презрения.

После слишком долгого молчания я предложил ему отослать ее в Венецию в сопровождении порядочной женщины в карете, которая отправлялась из Генуи каждую неделю.

– Но вы пожалеете, – сказал я ей, – если вернетесь домой беременная.

– Беременная? Разве я не сказала вам, что он должен был жениться на мне в Женеве?

– Но, несмотря на это...

– Как, несмотря на это? Поймите, что я никогда не соглашалась ни на малейшее из его желаний.

– Вспомните, – сказал ей брат жалобным голосом, – о той клятве, которую вы дали мне, быть навсегда моей. Вы произнесли ее перед распятием.

Говоря эти слова, которыми он упрекал ее в нарушении обещания, он поднялся, но она, далекая от того, чтобы это признавать, залепила ему пощечину тыльной стороной ладони. Я ожидал небольшой битвы, которой не собирался мешать, но не тут то было. Аббат, смиренный и тихий, отвернулся к окну, подняв глаза к небу, затем пролил слезу.

– Вы злобный дьявол, моя прекрасная мадемуазель, – сказал я ей. Тот, с которым вы так обращаетесь, – это мужчина, который несчастен, так как вы сделали его влюбленным.

– Все, что я знаю, это что он заставил меня совершить глупость, и я не прошу его никогда, разве что, не видя больше никогда. Это не первая пощечина, что я ему влепила, я начала еще в Падуе.

– Вы отлучены от церкви, – сказал он ей, – потому что я священник.

– Я тебе дам еще.

– Вы не дадите ему еще, – говорю я. Берите свои вещи и идите за мной.

– Куда вы ее ведете? – спрашивает влюбленный.

– К себе, и молчи. Подожди. Вот, я даю тебе двадцать цехинов, чтобы купил себе одежду, редингот и рубашки. Ты оставайся жить здесь. Завтра утром я приду с тобой поговорить. Отдай бедным свои лохмотья и возблаговари Бога, что встретил меня. Пойдемте, мадемуазель, я велю отвести вас ко мне, так как в Генуе не должны видеть вас в моей компании, особенно потому, что вы прибыли сюда вместе со священником. Я должен затушить этот скандал. Я поручу вас моей хозяйке, остерегитесь рассказывать ей эту скверную историю. Я дам вам прилично одеться.

– Пойдемте. Слава Богу!

Окаменев при виде двадцати цехинов, он позволил нам уйти, не говоря ни слова. Я сразу поручил моей хозяйке купить ему платье, рубашки, чулки, башмаки и все, что может ему понадобиться. Мне было очень интересно, какова будет эта девушка, когда окажется в состоянии успокоиться. Я известил Аннету, что девушка, которую мне рекомендовали, будет есть и спать вместе с ней, и поскольку мне надо было принимать прекрасную и многочисленную компанию, я пошел одеваться. Я счел себя обязанным информировать мою племянницу обо всей этой истории, чтобы у нее не возникло относительно меня каких-либо низменных предположений. Она сочла, что я и не мог поступить иначе, и ей было любопытно увидеть эту девушку, также как и моего брата, которого она сочла достойным намного большей жалости. Я сделал ей подарок – платье из цветного коленкора с большими букетиками, которое ей шло чрезвычайно. Она вызывала мое восхищение как своим поведением со мной, так и обхождением с молодым человеком, который влюбился в нее до самозабвения. Она встречала его каждый день, либо у меня, либо у Розали. Он писал ей, без всякого ответа, в купеческом стиле, что все согласно между ним и ею, возраст, положение и состояние, и ничто не могло бы помешать ему отправиться в Марсель просить ее руки у ее отца, кроме антипатии с ее стороны к нему. Он просил ее объяснить. Когда она показала мне его письмо, спрашивая совета, я ее поздравил. Я сказал, что на ее месте я бы не пренебрегал этой партией, если г-н Н.Н. ей нравится. Она отвечала, что ничто в молодом человеке не вызывает у нее возражения, и что Розали придерживается моего же мнения.

– Скажите же ему сами, что вы его ждете в Марселе, и что он может быть уверен в вашем согласии.

– Я скажу ему об этом завтра.

Поднявшись из-за стола, я пошел повидать Аннет, которая обедала в комнате племянницы вместе с Марколиной – таково было имя венецианки. Я ее почти не узнал. Но это было не из-за ее платья, в котором не было ничего необычного, а из-за ее лица, которое удовольствие сделало в сотню раз более красивым. Веселость заступила место гнева, который всегда делает человека некрасивым, и нежность, порожденная удовлетворенностью, придала ее лицу вид амура. Мне показалось невозможным, чтобы существо, что я вижу, выдало моему брату,

святому отцу, звонкую пощечину, которую я видел и слышал. Две новые подружки ели и смеялись, сами не зная над чем. Марколина говорила на венецианском жаргоне, и Аннет, ей в отместку, отвечала ей на генуэзском; но первый был очарователен, и вся Италия его понимала, в то время как второй более отличается от итальянского, чем швейцарский от немецкого. Я поздравил Марколину с ее довольным видом.

– Я чувствую себя перешедшей из ада в рай.

– Вы и кажетесь мне похожей на ангела.

– А сегодня утром вы назвали меня дьяволом. Но вот вам белый ангел, о котором и не подозревали в Венеции.

– Теперь вы моя игрушка.

Пришла моя племянница и, видя меня веселым с этими девицами, уселась рядом со мной, чтобы получше изучить мое новое приобретение.

Она нашла ее вполне хорошенькой и, сказав ей об этом, подарила ей нежный поцелуй. Марколина, настоящая венецианка, спросила у нее без церемоний, кто она.

– Я племянница месье, который теперь отвозит меня ко мне в Марсель.

– Вы бы стали также и моей племянницей, если бы я стала его сестрой. Как бы я была счастлива иметь такую красивую племянницу!

И вот опять в изобилии поцелуи, которые получает и раздает Марколина. Мы оставляем ее вместе с Аннет и направляемся на рейд, где садимся в большую парусную барку.

Вернувшись домой к полуночи, я спросил у Аннет, которая раздевала свою хозяйку, где венецианка, и она ответила, что та рано легла и сейчас спит; мне захотелось на нее посмотреть. Она проснулась, я присаживаюсь рядом с ней, я говорю ей, что в кровати нахожу ее еще более красивой, я хочу ее обнять, она сопротивляется, я не настаиваю, и мы беседуем. Четверть часа спустя приходит Аннет, я говорю ей идти ложиться, и она идет, гордая тем, что Марколина понимает, что она моя любовница.

Я между тем расспрашиваю ее о моем брате, говорю ей о том живом интересе, который она мне внушила сразу, как я ее увидел, и обо всем, что я готов для нее сделать, захочет ли она вернуться в Венецию или ей больше по душе ехать во Францию вместе со мной.

– Женившись?

– Нет, так как я женат.

– Это неправда, но мне это неважно. Отправьте меня в Венецию, и как можно раньше; я не хочу быть ничьей наложницей.

Тут я становлюсь настойчив, применяя, однако, лишь ту нежность, которой любой женщине труднее сопротивляться, чем открытой силе. Смеющаяся Марколина, видя, что я продолжаю, несмотря на то, что она перекрывает мне все пути, резко выскакивает из постели, укрытая одной длинной рубашкой, заходит в комнату моей племянницы и запирается там. После чего я направляюсь ложиться спать, однако разозленный. Аннет, сочтя, что с ней обошлись не лучшим образом, затевает ту же игру, что и Марколина.

На другой день рано утром я вошел к моей племяннице, чтобы посмеяться слегка над компанией, которую я ей случайно предоставил, – и есть над чем посмеяться.

– Эта венецианка, – говорит мне она, – меня изнасиловала.

Та другая, не защищаясь, настраивается снова давать ей знаки продолжающейся нежности, которые, исполненные изящества, дают мне представление о том, что они делают под покрывалом.

– Вот, – говорю я моей племяннице, – грубый штурм, по сравнению с той обходительностью, которую проявлял ваш дядя по отношению к вашим предрассудкам.

– Эти шалости между девушками, – ответила мне она, – не могут соблазнить мужчину, который покинул объятия Аннет.

– Но они меня соблазняют.

Говоря так, я их раскрываю. Марколина кричит, но не двигается, и другая говорит мне чувствительным тоном, чтобы я их снова укрыв; однако то, что я видел, слишком меня взволновало, чтобы торопиться. В этот момент заходит Аннета и, выполняя приказ своей хозяйки, натягивает покрывало на вакханок и лишает меня таким образом прекрасного зрелища. Разозленный теперь против Аннет, я толкаю ее на кровать и даю двум остальным столь интересный спектакль, что они бросают свои шалости, чтобы смотреть его с самым большим вниманием. После чего Аннет клянется мне, что я прав, отомстив таким образом за их неприступность. Вполне довольный фарсом, я направился завтракать и сразу затем пошел в гостиницу, чтобы повидаться с братом.

Я нашел его прилично одетым.

– Как себя чувствует Марколина? – говорит он мне грустно.

– Очень хорошо. Я поместил ее очень просто. Она ест и спит с горничной моей племянницы, и очень довольна.

– Я не знал, что у нас есть племянница.

– Теперь знаешь. Я отправлю ее в Венецию в течение четырех-пяти дней.

– Я надеюсь обедать вместе с вами сегодня.

– Нет, нет, дорогой брат. Тебе нельзя показываться у меня, так как если Марколина тебя увидит, ей станет грустно. Ты больше ее не увидишь.

– Ох! Я тоже поеду в Венецию, когда захочу повеситься.

– С чего это? Она не может тебя волновать.

– Она меня любит.

– Она тебя бьет.

– Потому что любит. Она станет нежной, когда увидит меня устроенным. Ты не знаешь, как я страдаю.

– Я себе это представляю; но это чувство, которое я гоню от себя, потому что ты безбожник и дурак, варвар, который не заслуживает жалости, потому что ради удовлетворения недостойного каприза ты готов сделать несчастной на всю жизнь очаровательную девушку, которая рождена, чтобы быть счастливой. Ответь мне. Что бы ты делал, если бы я повернулся к тебе спиной?

– Я пошел бы просить милостыню вместе с ней.

– Она бы тебя побила; и чтобы избавиться от тебя, она способна будет попросить защиты закона.

– Но что ты сделаешь для меня, если я позволю ей вернуться в Венецию и не последую за ней?

– Я отвезу тебя во Францию и помогу поступить на службу к какому-нибудь законнику.

– На службу? Я рожден только для служения Богу.

– Ах! Горделивый дурак! Марколина хорошо сказала вчера, что ты говоришь, как читаешь проповедь. Каков твой Бог? Какое служение ты ему предоставляешь? Безмозглый лицемер! Не таков ли ты, когдаводишь с ума порядочную девушку, профанируешь свой нрав, предаешь свою религию, не зная ее? Без всякого таланта, несчастный дурень, вообразивший, что может стать протестантским пастором, ничего не зная в теологии, не умея даже говорить на своем языке. Берегись появляться передо мной, потому что вынудишь меня сделать так, что тебя изгонят из Генуи.

– Ну что ж! Везите меня в Париж. Я представлюсь моему брату Франсуа, у которого сердце лучше, чем ваше.

– Очень хорошо. Я отправлю тебя в Париж. Мы выезжаем через пять-шесть дней. Оставайся в этой гостинице, и я тебя извещу. Со мной будут моя племянница, мой секретарь и мой слуга, и мы отправимся морем.

– На море мне будет плохо.

– Будешь блевать.

Когда я передал Марколине этот диалог, я не заметил в ее лице никакого интереса. Она вежливо сказала мне, что не чувствует за собой никакого обязательства перед ним, кроме благодарности за то, что он познакомил ее со мной. Я ответил ей, что прощаю его лишь потому, что он познакомил меня с нею.

– Я люблю вас, и если вы не согласитесь стать моей любовницей, я умру.

– Никогда, потому что иначе я полюблю вас, и когда вы меня покинете, я сама умру.

– Я никогда не покину вас.

– Очень хорошо; везите меня во Францию, и там мы начнем спать вместе; сейчас у вас есть Аннет, а я влюблена в вашу племянницу.

Самое интересное в этом приключении было то, что моя племянница также влюбилась в нее и заявила, что мы должны усадить ее есть с нами, и что отныне она будет спать только с нею. Поскольку я смог теперь присутствовать при их безумствах, я не нашел что ей возразить. За столом она рассказывала нам истории столь забавные, что они развлекали нас вплоть до момента, когда мы направились ужинать к Розали, где неизменно присутствовал г-н Н.Н.

Назавтра, в святой четверг, Розали пошла вместе с нами смотреть процессии. Я вел под руку Розали и Марколину, укрытых за своими *меццаро*⁴, а г-н Н.Н. подал руку моей племяннице. На следующий день, когда мы отправились смотреть в той же компании процессии, которые в Генуе называются «*касачче*», Марколина показала мне моего брата, который, рыская вокруг нас, делал вид, что нас не видит. Он был тщательно завитой, и этот фат надеялся теперь понравиться Марколине и заставить ее пожалеть, что она им пренебрегла, но ему пришлось страдать, как проклятому, так как венецианка, закутанная в сандаловую накидку, умела пользоваться и играть своей *меццаро* лучше, чем генуэзки. Он никак не мог понять, был ли он замечен. Кроме того, жестокая держалась за мою руку, так сжимая ее, что мы казались лучшей парой на свете.

Эти две девушки, ставшие близкими подругами, не могли смириться с тем, что, как я им говорил, их любовные безумства – это единственный источник их дружбы; они мне обещали, что их шалости прекратятся с нашим отъездом из Генуи, и что я начну спать с ними вместе в фелуке, которая должна нас отвезти в Антиб, где мы должны провести не менее одной ночи, не раздеваясь. Я получил от них слово и наметил наш отъезд на четверг, я заказал фелуку и отправился в среду известить моего брата, чтобы он на нее погрузился.

Был жестокий момент, когда я передавал мою добрую Аннету ее матери. Ее рыдания передались нам всем. Моя племянница дала ей платье, а я тридцать цехинов, пообещав вернуться в Геную по моем возвращении из Англии; но я туда больше не вернулся. Я известил Пассано, что он будет есть вместе с аббатом, которого найдет на фелуке. Я позаботился снабдить его провизией на три дня. Г-н Н.Н. пообещал моей племяннице, что будет в Марселе через две недели, и когда он придет, женитьба будет согласована между его и ее отцами. Это событие наполнило меня радостью, потому что уверило, что отец встретит ее с распростертыми объятиями. Г-н Н.Н. вместе с Розали и ее мужем покинули нас, лишь когда увидели, что нам надо подниматься на фелуку.

Моя фелука, довольно большая, имела двенадцать гребцов и была вооружена маленькими пушками и двадцатью четырьмя ружьями, чтобы мы могли защититься от корсаров. Клермон расположил там мою коляску и мои чемоданы так заботливо, что поместились вдоль нее пять матрасов так что мы могли там спать, и даже раздевшись, как в комнате. У нас были большие подушки и широкие покрывала. Длинный тент из саржи укрывал всю барку, и на концах длинной деревянной балки, поддерживавшей тент, помещались два фонаря. С наступлением ночи их зажгли, и Клермон подал нам ужин. Я, сидя между двух девиц, прислуживал

⁴ капюшон

моим сотрапезникам, первой – моей племяннице, затем – Марколине, затем – моему брату и Пассано. Воду в вино не добавляли, каждый пил из своей бутылки превосходное бургундское. После ужина, хотя ветер и был очень легкий, подняли парус, и гребцы отдохнули. Я погасил лампы, и мои два женских ангела заснули, каждая положив на меня свободную руку.

Свет зари разбудил меня в пять часов, и я увидел двух уснувших красавиц у меня по бокам в тех же позициях, как они были, когда я загасил фонари. Я не мог покрыть поцелуями ни одну, ни другую. Одна, предполагалось, была моя племянница, другая была девушкой, с которой гуманность воспрещала обращаться как с любовницей в присутствии брата, который ее обожал и ни разу не получил от нее ни малейшей милости. Он находился там, удрученный горем и неприятностью, которую причиняло ему море, от чего ему выворачивало желудок и заставляло извергать оттуда все, что там было. Он находился там, внимательно наблюдая, не появится ли какое-нибудь движение под покрывалом. Я должен был его пожалеть и не ввергать в отчаяние в такой момент, когда он легко мог прыгнуть в море и утопиться.

Они проснулись, свежие как розы, и, после взаимных пожеланий доброго утра, мы зашевелились и отправились по одному на нос, в туалет, который нам там поставили, и который был необходим моим красоткам для соблюдения приличий. Но я стал ругать хозяина фелуки, когда увидел, что мы находимся лишь напротив мыса Финал.

– Ветер стих, – отвечали мне, еще в Савоне.

– Надо грести.

– Мы опасались вас разбудить; но завтра вы будете в Антибе.

Гребцы, проклиная штиль, принялись за работу. Клермон подал нам превосходный бульон, сделанный из таблеток, которые всегда были у меня с собой. Мы пообедали в полдень, и в три часа решили причалить в Сан-Ремо. Весь экипаж счел это моим капризом; мы пристали, но я распорядился никому не сходить с фелуки. Моя племянница не могла сдерживать смеха прямо в лицо моему несчастному брату, который непрерывно доставал из кармана зеркала и издавал жалобные вздохи, видя свое лицо, которое из-за моря утеряло свою свежесть.

Я отвел двух девиц в гостиницу, где заказал кофе. К нам подошел некий господин и просил оказать ему честь пойти вместе с ним туда, где нас развлекут игрой в бириби.

– Полагаю, месье, эта игра запрещена в государстве Генуя.

– Это так, но в Сан-Ремо мы пользуемся некоторыми привилегиями. Это территория империи. Мы здесь находимся несколько дней, мы *бирибисанти*, что были раньше в Генуе.

Уверенный, что мошенники – те же самые, что я обыграл в Генуе я принял приглашение. У моей племянницы было в кошельке пятьдесят луи; я дал десять-двенадцать Марколине, и вот мы в зале, где собралась большая компания. Нам освободили место, мы сели, и я увидел тех же, что я наказал у м-м Изабеллы, за исключением того, кто держал мешок. При виде меня они побледнели.

– Я играю фигурку Арлекина, – говорю я им.

– Ее больше нет.

– Сколько в банке?

– Вы видите. Здесь играется по малой. Двух сотен луи достаточно. Можно ставить столько, сколько угодно, вплоть до одного луи.

– Очень хорошо. Но мои луи точные по весу.

– Я полагаю, что наши тоже.

– Вы в этом уверены?

– Нет.

– В таком случае, – говорю я хозяину дома, – мы не играем.

– Тут хозяин бириби говорит, что к концу игры он даст по четыре эку и шесть франков за каждый луи, который у него выиграют, и с этим договорились. Тут же была раскрыта таблица игры.

Мы все понтировали по луи. Я проиграл двадцать, как и моя племянница, но Марколина, которая до того ни разу не видела бириби, и которая никогда не имела и двух цехинов, оказалась победительницей со ста сорока луи. Она играла на фигурку аббата, которая двадцать раз выходила пятой. Ей дали мешок, полный шестифранковых экю, и мы вернулись на нашу фелуку... Ветер был противный, и мы должны были идти на веслах всю ночь, и, поскольку море становилось дурным, в восемь часов утра я решил пристать в Ментоне. Моя племянница и Марколина сделались больны. Я единственный не мучился. Заперев мешок Марколины в мой чемодан, я отправился пешком по берегу вместе с девушками, сказав Пассано, что он может поступить так же вместе с моим братом.

Мы пошли в гостиницу. Мои красавицы бросились в постель. Хозяин мне сказал, что в Ментоне находится принц Монако вместе с супругой. Я решаю сделать ему визит. Тринадцать лет назад я беседовал с ним в Париже. Я был тот, кто, ужиная с ним и его любовницей Коралин, мешал ему зевать. Он был тот, что отвел меня к мерзкой графине де Рюфек; тогда он был не женат; я нашел его там, в его княжестве, вместе с супругой, от которой он имел уже двух сыновей. Она была маркизой де Бриньоль, богатой наследницей, но прекрасной и приятной в обхождении еще более, чем богатой; я знал ее по отзывам, мне было любопытно ее увидеть.

Я иду, обо мне объявляют, и после приглашения вводят. Я величаю его полным титулом, который не давал ему никогда в Париже, где и никто его ему не давал. Он говорит, что с удовольствием меня снова видит, однако с некоторым холодком. Он понимает, что я остановился из-за плохой погоды; я говорю, что если он позволит, я остановлюсь в его замечательном городе (который отнюдь не замечательный) на весь день; он отвечает, что я волен поступить, как мне хочется, и поясняет, что проводит здесь время охотней, чем в Монако, где обстановка принцессе не нравится, также как и ему самому. Я прошу меня ей представить, и он приказывает кому-то отвести меня к ней.

Она была за своим клавесином, аккомпанируя арии; она поднялась и, поскольку не было никого, кто мог бы меня представить, я сказал ей свое имя. Нет ничего более неловкого, чем мужчина моего статуса, который представляется сам. Принцесса делает вид, что ей не нужно знать ничего более, и чтобы мне что-то сказать, ищет какое-нибудь соответствующее положение в правилах вежливости, в разделе представлений; однако я не оставляю ей времени на размышления и объясняю все в немногих словах, за исключением того, что со мной две мадемузели. Эта принцесса была красива, приветлива и обладала многими талантами. Она была единственная дочь. Ее мать, которая знала принца Монакского и предвидела, что он сделает ее несчастной, не хотела ее ему отдавать; но она должна была решиться на это, когда та ей сказала: *«Или Монако, или монашка»*.

Но вот появился принц, преследуя одну из горничных, которая убегала от него, смеясь, но принцесса сделала вид, что ничего не замечает, и завершила фразу, которую мне высказывала. Я откланялся, и она пожелала мне доброго пути. Я снова повстречал принца, который попрощался со мной и пригласил всегда приходить повидаться, когда буду проезжать мимо. Я вернулся в гостиницу и заказал обед на троих.

В княжестве Монако имелся французский гарнизон, и принц получал за это пенсион в сто тысяч франков. Он имел на это право, и этот гарнизон придавал ему чести и видимости величия.

Молодой офицер, весь нарядный, завитой в пух и прах и пахнущий амброй, остановился перед нашей открытой комнатой и проявив наглость, спросил, не позволим ли мы объединить его хорошее настроение с нашим. Я холодно ему ответил, что он этим окажет нам много чести, что должно было сказать – ни да ни нет; но француз, сделав первый шаг, уже не отступает и не позволит сбить себя с толку.

Развернув ворох любезностей перед моими красотками, выдав кучу коротких фраз без всякого смысла и не давая им времени ответить, он повернулся ко мне и сказал, что, зная,

что я говорил с принцем, он удивился, что тот не пригласил меня обедать в замке вместе с этими очаровательными дамами. Мне пришлось ему ответить, что я не представил принцу этих очаровательных дам.

Едва это услышав, он вскакивает с энтузиазмом, он говорит, что теперь он этому не удивляется, что он идет дать отчет Его Светлости и что, соответственно, он будет иметь честь обедать с нами при дворе. Проговорив это, он сбегает по лестнице и уходит.

Мы смеемся все трое над пылом этого ветреника, уверенные, что не будем обедать ни с ним, ни у принца.

Он возвращается четверть часа спустя, веселый, и приглашает нас с торжествующим видом обедать в замке, от имени принца. Я прошу его поблагодарить Его Светлость и принести ему в то же время наши извинения. Я говорю, что, поскольку погода улучшилась, я настоятельно хочу отъехать, съев наскоро кусочек. Он настаивает, он упраскивает, и, наконец, вынужден удалиться с огорченным видом, чтобы пойти сказать принцу, что ничего не выходит. Я думаю, что на этом дело кончится, но не тут то было.

Еще четверть часа спустя он возвращается с еще более довольным видом и говорит дамам, не обращая больше на меня внимания, что он дал Его Светлости описание их прелестей, настолько близкое к действительности, что тот решил сам прийти обедать вместе с ними.

– Я приказал, – сказал он им, – чтобы поставили еще два куверта, так как я тоже буду иметь эту честь. Вы увидите его через четверть часа.

Очень хорошо, – говорю я ему, не задумавшись ни на мгновение – я сейчас схожу на мою фелуку, чтобы взять превосходный паштет, который принц оценит. Пойдемте, дамы.

– Вы можете, месье, оставить их здесь. Я составлю им компанию.

– Я благодарю вас, но им тоже надо кое-что взять.

– Вы позволите, чтобы я составил вам компанию?

– Конечно, можно.

Я спускаюсь и спрашиваю у хозяина, сколько стоит обед.

– Месье, все оплачено. Я только что получил приказ, что не должен вам предъявлять никакого счета.

– Это, несомненно, добрый поступок принца.

Я присоединяюсь к девицам, и моя племянница принимает мою руку, смеясь от души над тем, как офицер рассыпает комплименты Марколине, которая не понимает ни слова из того, что офицер-француз ей говорит, а он не может этого знать, потому что не дал ей времени об этом сказать.

– За столом, – говорит мне племянница, – мы хорошо посмеемся; но что мы будем делать на фелуке?

– Мы отправляемся. Молчи.

– Отправляемся?

– Немедленно.

– Вот это да!

Мы заходим на фелуку, и офицер, очарованный моей красивой коляской, принимается ее изучать. Я тихо говорю хозяину барки, что хочу немедленно отчалить.

– Немедленно? Но аббат и ваш секретарь пошли пройтись, и два из моих матросов тоже.

– Это неважно. Они придут в Антиб пешком; здесь только десять лье; я хочу отправляться, говорю вам; поспешите.

– Этого достаточно.

Он поднимает цепь, и фелука отчаливает. Ошеломленный офицер спрашивает у меня с глупым видом, что сие означает.

– Это означает, что я направляюсь в Антиб; и я увожу вас туда со всем моим удовольствием.

– Вот это развлечение, из самых забавных... Но вы шутите.

– Это в самом деле так, и ваша компания нам очень приятна.

– Проклятие! Верните меня на землю, потому что, дамы, извините мою невежливость, но у меня нет времени ехать в Антиб. Это будет в другой раз.

– Верните же месье на землю, – говорю я хозяину, – так как наша компания ему не по вкусу.

– Это не так, клянусь честью, потому что эти дамы очаровательны, но вы понимаете, что принц будет вправе рассердиться на меня, потому что думает, что я договорился с вами насчет того, чтобы предоставить ему это развлечение, и это не может его не огорчить. Что он скажет? Но что касается меня, я тут совершенно ни при чем. Прощайте, дамы и месье.

Марколина была удивлена и, ничего не понимая, не могла над этим посмеяться, но моя племянница держалась за бока, так как ничего не могло быть комичней, чем тон, с которым офицер воспринял случившееся.

Клермон предложил нам обед, как нельзя более деликатный. Все вызывало у нас смех, особенно то комическое удивление, которое Пассано и мой глупый брат должны были испытать, придя обратно и не найдя там фелуки. Я не сомневался, что увижу их завтра в Антибе.

В четыре часа мы миновали Ниццу и в шесть пристали в Антибе. Клермон позаботился перенести в мои комнаты все с фелуки, отложив на завтра обустройство моей коляски. Мы поужинали очень весело и с большим аппетитом, как всегда после моря, где самый воздух возбуждает желудок. Марколина, слегка опьянев, легла в кровать и сразу заснула, и моя племянница сделала бы то же самое, если бы я не поймал ее на слове с той нежностью, что придает красноречию любовь. Она согласилась, не отвечая мне, но с видом полнейшего удовлетворения.

Полный восхищения, видя такое явное ее согласие и расположенность к любви, я улегся рядом с ней, говоря:

– Вот, наконец, настал момент моего счастья.

– И моего тоже.

– Как и твоего? Ты меня все время избегала.

– Никогда. Я тебя все время любила и с горьким сердцем страдала от твоего безразличия.

– В первую ночь, что мы провели вместе по выезде из Милана, ты предпочла спать одна, вместо того, чтобы лечь со мной.

– Могла ли я поступить иначе, не рискуя сойти в твоём представлении за девушку, скорее подчиняющуюся своему темпераменту, чем любви? Следовало сказать, что ты меня любишь, и убедить меня в этом самым живым образом. Тогда бы ты заставил меня убедиться, что я тоже тебя люблю, и тогда бы тебе не пришлось обижаться на то, что ты влюблен только один, а я, со своей стороны, не должна была бы воображать, что ты поддаешься лишь воздействию удовольствия, которое ощущаешь, имея меня в своей постели. Я не знаю, любил ли ты меня меньше на следующий день, но ясно, что ты меня не добивался.

Племянница была права, и я подтвердил ей это; но оправдываясь при этом, потому что должен был опасаться, чтобы она не сочла, что я захотел, чтобы она со мной расплатилась своей благосклонностью за те услуги, что я оказал ей. Мы увидели, взвешивая наши аргументы, что при взаимности любовных чувств женщины к мужчине, именно на мужчину возлагается преимущество в чувствах и порождении тех мыслей, что у нее могут возникнуть, и которые могут его унижить, по крайней мере, если у мужчины достанет ума интерпретировать их в благоприятном для нее смысле. Женщину униженную нельзя ни любить, ни извинить жестокость, которая портит ее душу, ввергая ее в смутное чувство самоуничтожения. Необходимо однако из этих общих рассуждений исключить душу раба, мужчины или женщины. Рабство порождает чудовищ. Так, я не понимаю, как илоты могли существовать на земле, не творя всякого рода злодейств.

Мы провели одну из самых нежных ночей, и утром она мне сказала, что это произошло только благодаря тому, что мы не начали с того, чем мы кончили, потому что иначе она никогда бы не проявила склонность ко мне, поскольку только г-н Н.Н., по всей видимости, мог сделать ее счастливой. Я же не был мужчиной, склонным к женитьбе.

Утром Марколина нас поздравила. Она пообещала нам спать все время одна. Она осыпала нас ласками.

Пришел Пассано вместе с моим братом, мы пошли за стол и моя племянница распорядилась насчет двух дополнительных приборов, с чем я согласился.

Мой брат не мог ходить.

– Я не привык ездить на лошади, – сказал он, – и, поскольку у меня нежная кожа, не удивительно, что я весь разбит. Да исполнится воля Божья! Я за всю свою жизнь не испытывал страданий, подобных тем, что вытерпел во время этого рокового путешествия, изнузившего мое тело и еще более душу.

Говоря так, он бросил страдающий взгляд на Марколину, заставивший нас прыснуть со смеха. Моя племянница, желая посмеяться, сказала:

– Я сочувствую вам, дорогой дядя.

При слове «дядя» он покраснел и, называя ее дорогой племянницей, отвесил ей самый дурацкий из всех комплиментов по-французски, полагая, что нас подловит. Я сказал ему замолкнуть и постыдиться, потому что он говорит как сушая свинья. Однако поэт Погomas говорил не лучше.

Этот рассказал нам, что, придя на место, где должна была быть фелука, он не знал, что и думать.

– Я вернулся, – сказал он, – вместе с господином аббатом в гостиницу, где, как я знал, вы заказали обед, чтобы что-то понять; но единственное, что я понял, это то, что хозяин вас ждет, и он ждет также принца и офицера, которые должны обедать с вами. Когда я сказал ему, что он ждет вас напрасно, так как вы уплыли, появился принц вместе с офицером, который, пылая от гнева, сказал, что вы должны заплатить за все. Хозяин ответил, что перед уходом вы хотели заплатить, но в силу приказа, который офицер передал ему, он не захотел получать от вас оплату. На это принц дал ему луи, спросив у нас, кто мы такие. Я ему ответил, что мы с вами, но вы нас не подождали. Принц, посмеявшись над приключением, спросил у меня, кто были две demuazeli, которые были с вами, и я ответил ему, что одна – ваша племянница, а кто вторая, я не знаю; но г-н аббат сказал, что это его *cuisine*⁵, вместо того, чтобы сказать *cousine*⁶. Представляете, как принц засмеялся при слове «кухня». Он ушел, сказав, что он с вами еще как-нибудь встретится и вспомнит, какую шутку вы с ним сыграли. Хозяин, порядочный человек, счел своим долгом подать нам очень хороший обед, как и двум матросам, что пришли попозже. После обеда мы наняли двух лошадей и переночевали в Ницце. Этим утром мы прибыли сюда, будучи уверены, что найдем здесь вас.

Марколина заявила сухим тоном моему дорогому братцу, что если он вздумает в Марселе или где-то еще именовать ее его *кухней*, он будет иметь дело с ней, потому что она не желает быть ни его *кухней*, ни его *кузиной*. Я добавил ему серьезно, что он должен воздерживаться говорить по-французски, потому что глупости, что он говорит, позорят тех, с кем он находится.

Когда я собрался заказать двух почтовых лошадей, чтобы к ночи быть во Фрежюсе, появился человек, который сказал, что он мой кредитор, и я должен ему десять луи на то, чтобы выкупить коляску, которую я оставил ему почти три года назад. Я сразу вспомнил, что это было, когда я увез из Марселя Розали. Я стал смеяться, потому что коляска была плохая и не стоила и пяти. Я сказал, что даю ее ему в подарок. Он сказал, что не хочет от меня подарка,

⁵ кухня

⁶ кузина

а хочет десять луи. Я отправил его прогуляться и заказал лошадей, чтобы уехать. Четверть часа спустя явился вооруженный стражник и сказал мне явиться, по требованию моего кредитора, к коменданту. Я прихожу туда и вижу однорукого инвалида, который вежливо говорит мне заплатить человеку, здесь присутствующему, десять луи и забрать мою коляску. Я отвечаю ему, что в моем контракте в шесть франков за месяц не содержится срок его окончания, и я не хочу ее забирать.

– И если вы никогда ее не заберете?

– Он может оставить в своем завещании претензию ко мне своему наследнику.

– Я полагаю однако, что он может заставить вас ее забрать, или согласиться на ее продажу с торгов.

– Это может быть, но я хочу избавить его от этих хлопот наилучшим образом. Я не только согласен, чтобы он ее продавал, но я ему ее дарю.

– Ну вот, дело и кончено. Коляска ваша, говорит он этому человеку.

– Прошу прощения, месье комендант, это не конец, потому что я желаю ее продать, но хочу еще и доплаты.

– Вы ошибаетесь. А вы, – доброго вам пути и извините невежество этих людей, которые желали бы законов, согласованных с их идеями.

Было уже поздно, и я отложил свой отъезд на завтра. Нуждаясь в коляске для Пассано и моего брата, я подумал, что эта спорная могла бы им послужить. Пассано отправился ее посмотреть и, найдя ее в плачевном состоянии, приобрел за четыре луи, и я доплатил ему еще один, чтобы привести ее в такой вид, чтобы она могла доехать до Марсея. Я смог выехать только после обеда.

Глава III

Мое прибытие в Марсель. М-м д'Юрфэ. Моя племянница хорошо встречена м-м Одибер. Я избавляюсь от брата и от Пассано. Преобразование. Отъезд м-м д'Юрфэ. Постоянство Марколины.

1762–1763 гг

Моя племянница, став моей любовницей, меня воспламенила. Сердце сочилось кровью, когда я думал, что Марсель станет могилой моей любви. Все, что я мог сделать, это передвигаться самыми малыми переходами. Из Антиба я проехал только до Фрежюса, менее чем за три часа; я сказал Пассано ужинать с моим братом и идти спать, заказав себе деликатный ужин с хорошими винами с моими двумя девицами. Я оставался с ними за столом до полуночи и провел добрых двенадцать часов в постели, наслаждаясь любовными глупостями и сном; то же самое я проделал в Люке, в Бриньоле и Обане, где провел с нею шестую блаженную ночь, которая стала последней.

Едва прибыв в Марсель, я отвез ее к м-м Одибер, отослав Пассано с моим братом в «Тринадцать кантонов», где они должны были поселиться, не показываясь м-м д'Юрфэ, которая жила в той же гостинице уже три недели, дожидаясь меня.

Моя племянница была с м-м Одибер с детства; это была женщина умная и интриганка, которая испытывала к моей племяннице чувство самой нежной дружбы с самого детства, и по своим каналам надеялась получить от ее отца прощение и вернуть, таким образом, в лоно семьи. Мы договорились, что, оставив ее в коляске вместе с Марколиной, я покажу ее этой даме, которую я уже знал, и от которой мог узнать, где мог бы ее поселить, в ожидании, пока та не проделает все демарши, необходимые, чтобы добиться успеха в нашем проекте.

Я поднимаюсь к м-м Одибер, которая из окна видит меня, сходящего с кареты, и, любопытствуя, кто бы это мог прибыть к ней с почтой, выходит мне навстречу. Вспомнив меня, она соглашается зайти вместе со мной в комнату, чтобы узнать, чего я могу от нее хотеть. Я коротко рассказываю ей правдоподобную версию сути дела, про несчастье, что заставило Кроче покинуть м-ль П.П., про то, как мне повезло утешить мадемуазель в ее потере, про другую удачу, что удалось найти в Генуе некое знакомство, которое сможет представить ее не позднее чем через две недели ее собственному отцу, и про удовольствие, что я имею передать в данный момент в ее собственные руки это очаровательное существо, которого я являюсь, в сущности, спасителем.

– Где же она?

– В моей коляске, за задернутыми занавесками, невидимая для прохожих.

– Скажите ей сойти и предоставьте мне похлопотать об этом деле. Никто не узнает, что она у меня. Мне не терпится ее обнять.

Я спускаюсь, велю ей опустить капюшон на лицо и предаю ее в руки преданной ее подруги, радующейся этому прекрасному театральному действу. Объятия, поцелуи, слезы радости, смешанные со слезами раскаяния, захватывают и меня. Клермон, которого я призываю, приносит ее чемодан и все, что есть у нее с собой в коляске, и я ухожу, пообещав навещать ее каждый день.

Я сажусь в коляску, сказав почтальонам, куда меня везти. Хозяин был честный пожилой человек, у которого я содержал столь удачно Розали. Марголина плачет от горя, будучи разлученной со своей дорогой подругой. Я захожу к старику, наскоро договариваюсь с ним о том, чтобы поместить там Марголину, кормить ее и ухаживать за ней как за принцессой. Он говорит, что поселит с ней свою собственную племянницу, заверяет, что она никуда не будет выходить, и никто не зайдет в ее апартаменты, что он мне все покажет и я буду доволен.

Я иду за ней к коляске, вывожу ее и приказываю Клермону следовать за нами с ее вещами.

– Вот, – говорю я ей, – твой дом. Я зайду завтра узнать, довольна ли ты, и буду с тобой ужинать. Вот тебе твои деньги, в золоте, тебе они будут не нужны, но пусть будут, потому что *тысяча дукатов* сделают тебя в Венеции уважаемой. Не плачь, дорогая Марколина, ты владеешь моим сердцем. Прощай, до завтрашнего вечера.

Старик дает мне ключ от двери ее дома, и я спешу в «Тринадцать кантонов». Меня там уже ждут и ведут в апартаменты, что предназначила для меня м-м д'Юрфэ, смежные с ее собственными. Я вижу там Бруньоля, который спешит передать мне привет от своей хозяйки и сказать мне, что она одна, и ей не терпится меня увидеть.

Читателю придется поскучать, читая обстоятельный рассказ об этой беседе, так как он столкнется только с нелепостями в рассуждениях этой бедной женщины, увлекшейся самой ошибочной и самой химерической из доктрин и, с моей подачи, ложными уверениями, которые не имели никакого отношения ни к правде, ни к убедительности. Погруженный в распутство и влюбленный в жизнь, что я веду, я пользовался безумием женщины, которая, не будучи мной обманута, захотела сменить свое существо на другое. Я воспользовался своим преимуществом, и в то же время ломал комедию. Первое, что она меня спросила, было – где Кверилинт, и она была поражена, когда я сказал, что он находится в гостинице.

– Так это он меня преобразует в меня саму! Я уверена в этом. Мой гений убеждает меня в этом каждую ночь. Спросите у Паралис, достойны ли подарки, что я ему приготовила, быть преподнесены от имени Серамис главе розенкрейцеров.

Не зная, что это за подарки и не имея возможности попросить у нее их посмотреть, я ответил ей, что мы должны сначала их освятить в планетарные часы, посвященные тем культам, что мы должны отслужить, и что сам Кверилинт не может их видеть до процедуры освящения. В связи с этим, она ввела меня в соседнюю комнату, где достала из секретера семь свертков, которые Розенкрейцер должен получить в качестве приношений семи планетам. Каждый свертки содержал семь фунтов металла, принадлежащего данной планете, и семь драгоценных камней, принадлежащих той же планете, каждый в семь каратов: алмаз, рубин, изумруд, сапфир, хризолит, топаз и опал.

Решив про себя действовать таким образом, чтобы ничто из этого не попало в руки этого Гения, я сказал, что, согласно методу, мы должны полностью положиться на Паралис и начать с посвящения, положив в специально изготовленный ящичек каждый из свертков. Посвящение могло быть проведено лишь для каждого в его день, и следовало начинать с Солнца. Была пятница, и следовало ждать до послезавтра. Я заказал ящик на завтра, в субботу, с семью отделениями... Для этого посвящения я проводил три часа каждый день наедине с м-м д'Юрфэ, таким образом, чтобы церемония окончилась только в субботу в восемь часов. В течение этих восьми дней я приводил обедать вместе с ней Пассано и моего брата, который, не понимая ничего в разговорах, что она вела с Пассано и со мной, не произносил ни слова. М-м д'Юрфэ, которая сочла его безмозглым, полагала, что мы хотим поместить в его тело душу сильфа, чтобы с ним породить некое создание, промежуточное между божественным и человеческим. Когда она рассказала мне о своем открытии, она сказала, что приспособится к этому, имея в виду, что после операции он наделит ее своим видом и общими с ней чувствами.

Я развлекался до последней степени, глядя на моего брата, который был в отчаянии от того, что м-м д'Юрфэ принимала его за дурака, и который казался ей таковым вдвойне, когда принимался говорить нечто такое, что должно было убедить ее, что он не лишен ума. Я смеялся над тем, как он играл, очень дурно, эту роль, когда я просил его особо постараться; но чудак этим ничего не терял, так как маркиза для забавы одевала его со всем скромным блеском, который отличает аббата самой знаменитой семьи Франции. Тот, кого обед м-м д'Юрфэ приводил в отчаяние, был Пассано, который должен был отвечать на ее ученые расспросы и который часто, не зная, что сказать, хитрил. Он зевал, он не смел напиваться, он не соблюдал приличий и вежливости, которые обычай предписывает соблюдать за столом. М-м д'Юрфэ

мне говорила, что какое-то большое несчастье должно было случиться с орденом, почему этот великий человек и был в таком расстройстве.

Как только я принес ящик к мадам и устроил все вместе с ней, чтобы начать в воскресенье посвящения, я сделал так, чтобы оракул приказал, что я должен семь дней подряд спать за городом, соблюдать совершенное воздержание от любой смертной женщины и совершать поклонение Луне каждую ночь в свой час в открытом поле, чтобы подготовиться к регенерации самому, в случае, если Кверилинт не сможет, по каким-то божественным соображениям, лично произвести эту процедуру. Благодаря этому приказу м-м д'Юрфэ не только не могла посчитать дурным, что я не ночую дома, но испытывала благодарность за те лишения, что я терпел, чтобы добиться счастливого завершения операции.

Итак, в субботу, то-есть на следующий день после моего приезда в Марсель, я отправился к м-м Одибер, где имел удовольствие видеть м-ль П.П., очень довольную тем сердечным участием, которое мадам проявила к ее интересам. Она поговорила с ее отцом; она сказала ему, что его дочь у нее и что она только и мечтает получить его прощение, чтобы вернуться в лоно своей семьи и чтобы стать женой богатого молодого генуэзца, который желает получить ее только из его рук, к чести его семьи. Ее отец ответил, что придет забрать ее послезавтра, чтобы отвезти к одной из своих сестер, которая живет постоянно в своем доме в С.-Луи, всего в двух лье от города. Она могла бы там очень спокойно дожидаться, не возбуждая никаких толков, приезда своего будущего супруга. М-ль была удивлена тем, что ее отец до сих пор не имел никаких известий. Я сказал ей, что не приеду повидать ее в С.-Луи, но, разумеется, увижусь с ней по прибытии г-на Н.Н., и что уеду из Марселя только когда увижу ее замужем.

Оттуда я направился к Марколине, поскольку мне не терпелось сжать ее в своих объятиях. Она встретила меня с сердечной радостью; она сказала, что была бы счастлива, если бы могла хоть что-то понять и понимать то, что говорит ей эта добрая женщина – ее служанка. Я мог ее понять, но не знал, как помочь делу; следовало найти служанку, говорящую по-итальянски, и это была проблема. Она расчувствовалась до слез, когда я передал приветы от моей племянницы и сказал, что завтра она будет уже в объятиях своего отца. Она уже знала, что та не моя племянница.

Ужин, легкий и тонкий, заставил меня вспомнить Розали, чья история доставила большое удовольствие Марколине, которая сказала мне, что я путешествую лишь для того, чтобы осчастливливать несчастных девушек, если, конечно, я нахожу их красивыми. Марколина порадовала меня также и аппетитом, с которым ела. Марсельские лакомства превосходны, за исключением птицы, которая никуда не годится; но оставим это; мы извиним и чеснок, который добавляют для вкуса во все блюда. В постели Марколина была очаровательна. Уже восемь лет, как я не наслаждался венецианскими шалостями в постели, и эта девушка была само совершенство. Я смеялся над своим братом, который имел глупость влюбиться в нее. Не имея возможности никуда ее вести и желая, чтобы она развлекалась, я сказал хозяину, чтобы отправлял ее в комедию вместе со своей племянницей каждый день и чтобы готовил мне ужин каждый вечер. На другой день я снабдил ее тряпками, купив все, что она могла пожелать, чтобы блистать как прочие.

На следующий день она сказала мне, что спектакль ей бесконечно понравился, несмотря на то, что она ничего не поняла, и на следующий день она удивила меня, сказав, что мой брат появился у нее в ложе и наговорил ей столько дерзостей, что, если бы это было в Венеции, она бы его побила. Она полагает, что он за ней проследил, и опасается от него беспокойства.

По возвращении в гостиницу я прошел в комнату Пассано и увидел около его кровати человека, который собрал принадлежности хирурга, перед тем, как уйти.

– Что это такое? Вы больны?

– Я кое-что приобрел, что позволит мне быть умнее в будущем.

– В шестьдесят лет, это слишком поздно.

– Никогда не поздно.

– Вы воняете бальзамом.

– Я не выйду из моей комнаты.

– Это произведет дурное впечатление на маркизу, которая считает вас самым великим адептом.

– *Мне плевать на маркизу. Оставьте меня в покое.*

Этот мошенник никогда не говорил со мной таким тоном. Я сдержался и пошел к брату, который брился.

– Что ты вздумал делать вчера в комедии около Марколины?

– Я пошел напомнить ей ее долг и сказать, что я не таков, чтобы служить ей сводником.

– Ты ее оскорбил, и меня тоже. Ты несчастный дурак, который обязан всем этой замечательной девушке, потому что без нее я на тебя даже бы и не посмотрел, и ты смеешь идти к ней говорить глупости?

– Я разорен из-за нее, я не могу больше вернуться в Венецию, я не могу жить без нее, а вы ее у меня забрали. Какое право вы имеете сходиться с ней?

– Право любви, дурак, и право самое сильное. Отсюда следует, что со мной она чувствует себя счастливой и не может решиться меня покинуть.

– Вы ее обольстили, и после вы сделаете с ней то же, что делали и со всеми другими. Я, наконец, считаю себя в праве говорить с ней везде, где встречу.

– Ты больше не будешь с ней говорить. Я отвечаю за это.

С этими словами я сажусь в фиакр и направляюсь к адвокату, чтобы справиться, могу ли я посадить в тюрьму аббата-иностранца, который должен мне денег, хотя у меня и нет бумаг, подтверждающих его долг.

– Вы можете, если он иностранец, подать жалобу, заключить его в гостинице, где он находится, и заставить его платить, по крайней мере, если он не докажет, что ничего вам не должен. Он вам много должен?

– Двенадцать луи.

– Идемте со мной в магистрат, где вы внесете двенадцать луи, и он тотчас будет заключен под стражу. Где он поселился?

– В той же гостинице, что и я, и я не хочу, чтобы его держали там. Я попрошу его выгнать оттуда, я отправлю его в «Сен-Бом», плохую гостиницу, и там заключу под стражу. А пока, вот двенадцать луи залога, идите за ордером, и мы увидимся в полдень.

– Назовите мне его имя и ваше.

Проделав все это, я вернулся в «Тринадцать кантонов» и увидел моего брата, полностью одетого и собирающегося выходить.

– Пойдем к Марколине, – говорю я ему. Вы объяснитесь в моем присутствии.

– С удовольствием.

Он залезает со мной в фиакр, которому я велю отвезти нас в «Сен-Бом», и там говорю брату, чтобы подождал меня, заверив, что я вернусь с Марколиной; но я иду к адвокату, который, имея ордер, несет его туда, где его принимают к исполнению. Я между тем возвращаюсь в «Тринадцать кантонов», велю собрать в чемодан все его пожитки и отправляю их в ему в «Сен-Бом», где нахожу его задержанным, говорящим с хозяином, который ничего не понимает. Но когда он видит чемодан, и когда я, отозвав его в сторону, рассказываю мою басню, он уходит, не пытаясь узнать больше. Войдя к моему брату, я говорю ему, что он должен настроиться покинуть Марсель завтра, и что я оплачу ему дорогу до Парижа; но если он не захочет туда ехать по доброй воле, я брошу его и заверяю, что смогу заставить выгнать его из Марселя.

Трус принимается плакать и говорит, что поедет в Париж.

– Значит, ты выезжаешь завтра в Лион; но прежде ты должен дать мне расписку, что должен предъявителю ее двенадцать луи.

– Почему?

– Потому что я так хочу. При этом, заверяю тебя, я дам тебе завтра утром двенадцать луи и порву эту расписку.

– Я вынужден слепо выполнять все, что вы хотите.

– Тебе ничего другого не остается.

Он пишет мне расписку. Я иду забронировать ему место в дилижансе, и назавтра иду с адвокатом снять арест и забрать мои двенадцать луи залога, отношу их своему брату, который уезжает с рекомендательным письмом к г-ну Боно, в котором я извещаю его не давать брату денег и отправить его в Париж в дилижансе. Я дал ему двенадцать луи, что было больше того, что он стоил, и порвал его расписку. Так я избавился от него. Я увидел его в Париже месяц спустя, и в свое время я расскажу, как он вернулся в Венецию.

Однако за день до того, перед тем, как идти обедать с м-м д'Юрфэ и после того, как отправил чемодан брата в «Сен-Бом», я пошел поговорить с Пассано, с тем, чтобы узнать причину его дурного настроения.

– Мое дурное настроение происходит из-за того, что я уверен, что вы собираетесь присвоить двадцать или тридцать тысяч экю в золоте и бриллиантах, которые маркиза предназначила мне.

– Такое может быть. Но не вам знать, присвою ли я их или нет. Я только могу вам сказать, что я воспрепятствую ей делать такую глупость – давать вам золото или бриллианты. Если вы можете их потребовать, обратите свои претензии к маркизе, я вам не мешаю.

– Стало быть, я должен страдать, играя роль посредника в ваших надувательствах, не получая никакой от этого выгоды? Этого не выйдет. Я хочу тысячу луи.

– Я восхищаюсь вами.

Я поднимаюсь к маркизе, говорю ей, что подали на стол, и что мы будем обедать вдвоем, потому что серьезные обстоятельства заставили меня отослать аббата.

– Он был бестолочь. Но все же Кверилин.

– После обеда Паралис скажет нам все. У меня есть большие опасения.

– У меня тоже. Этот человек, мне кажется, изменился. Где он?

– Он в своей постели с этой своей гадкой болезнью, которую я не решаюсь вам назвать.

– Вот это необычно. Это работа черных сил, я *верю*, что им не удастся нам помешать.

– Никогда, насколько я знаю; но поедим. Нам надо много поработать сегодня, после освящения Олова.

– Тем лучше. Надо произвести обряд искупления Оромасис, потому что, какой ужас! Он должен преобразить меня через четыре дня, а он в таком ужасном состоянии?

– Поедим, говорю вам.

– Я боюсь, как бы час Юпитера не застиг нас.

– Ничего не бойтесь.

После поклонения Юпитеру, я перенес поклонение Оромазису на другой день, чтобы составить мощную кабалу, результаты которой маркиза выразила словами. Оракул сказал, что семь Саламандр перенесли истинного Кверилинта на Млечный Путь, и что тот, кто находится в кровати в комнате на первом этаже, это черный Сен-Жермен, которого Гномида ввела в ужасное состояние, в котором он находится с тем, чтобы стать палачом Серамис, которая умрет от той же болезни, прежде, чем дойти до своего предела. Оракул говорил, что Серамис должна позаботиться о том, чтобы адепт Паралис Галтинард (это я) отделался от Сен-Жермена, и не сомневалась в счастливом окончании преображения, потому что Слово должно быть направлено ко мне с Млечного Пути самим Кверилинтом на седьмую ночь моего поклонения Луне. Последний оракул решил, что я должен ввести Серамис два дня спустя после окончания поклонений, после чего очаровательная Ундина очистит нас в ванне в той же комнате, где мы теперь находимся.

Взявшись, таким образом, преобразовать мою добрую Серамис, я подумал, что мне не следует представлять здесь в дурном образе. Маркиза была красива, но стара. Могло статься, что у меня ничего не получится. В *тридцать восемь лет* я стал замечать, что часто подвержен этому фатальному несчастью. Прекрасная Ундина, которую я получаю с Луны, была Марколина, которая, в роли банщицы, должна была немедленно сообщить мне производительную силу, что была мне необходима. Я не мог в этом сомневаться. Читатель увидит, как я поступил, чтобы заставить ее спуститься с небес.

Записка, полученная мной от м-м Одибер, заставила меня, перед тем, как идти ужинать с Марколиной, зайти к ней. Она сказала мне радостно, что г-н П.П. получил письмо из Генуи от г-на Н.Н., который просил у него руки его дочери для своего единственного сына, того самого, что познакомился с ней у г-на Паретти, где она была представлена шевалье де Сейнгальтом (это я), который должен был отвезти ее в Марсель и вернуть в семью.

– Г-н П.П., сказала мне м-м Одибер, считает себя в высшей степени обязанным вам, как только отец, любящий свою дочь, может быть обязан человеку, что проявил о ней отеческую заботу. Его дочь дала ему ваш портрет в самых лестных красках, и он желает непременно с вами познакомиться. Скажите, когда вы сможете ужинать у меня. Его дочери тут не будет.

– Это доставит мне удовольствие, потому что уважение, которое супруг м-ль П.П. должен к ней питать, может только возрасти, когда он здесь узнает, что я являюсь другом ее отца; но я не могу быть на ужине; я приду, когда вы пожелаете, в шесть часов и останусь до восьми, а знакомство состоится по прибытии жениха.

Я назначил это свидание на послезавтра, пошел к Марколине и рассказал ей обо всех новостях и о том, как я завтра избавлюсь от моего брата, то, о чем я уже рассказал читателю.

Послезавтра, когда мы пошли обедать, маркиза дала мне с улыбкой длинное письмо, которое написал ей мошенник Пассано, на очень плохом французском, который, однако, можно было понять. Он заполнил восемь страниц, чтобы сказать ей, что я ее обманываю, и чтобы убедить в этом, рассказал ей всю действительную историю аферы, не скрывая от нее ни малейшего обстоятельства, которое может усугубить мою вину. Он сказал ей, кроме того, что я прибыл в Марсель с двумя девицами, которых он не знает, где я держу, но наверняка именно с ними я сплю каждую ночь.

Я спросил у маркизы, возвращая ей письмо, спокойно ли она читала все это, и она ответила, что она ничего не поняла, потому что оно написано по-остготски, и что она и не пыталась его понять, потому что он и не мог ничего написать, кроме выдумок, направленных на то, чтобы сбить ее с пути в момент, когда ей в наибольшей степени требуется не впасть в ошибку. Эта ее осмотрительность мне очень понравилась, потому что мне надо было, чтобы она не усомнилась в Ундине, чей вид мне был необходим для производства плотского соития.

Пообедав и спешно произведя все культовые действия и оракулы, которые нужны мне были, чтобы укрепить ум моей бедной маркизы, я направился к банкиру изготовить обменное письмо на сотню луи в Лион, в распоряжение г-на Боно, и отправил его, известив того, что он заплатит сто луи Пассано при предъявлении им письма-авизо, написанного мной, в означенный там день. Если он представит письмо позже указанного срока, ему надо отказать в платеже. После этого я написал Боно письмо, которое Пассано должен был ему представить, в котором сказал:

«Выплатите г-ну Пассано по предъявлении сего сто луи, только при условии, что письмо будет представлено вам в день 30 апреля 1763 года. Позже этого дня мое распоряжение теряет силу».

Держа в руке письмо, я вошел в комнату этого предателя, которому перед тем скальпель хирурга продырявил пах.

– Вы предатель, – сказал я ему. М-м д'Юрфэ не читала письмо, которое вы ей написали, но я его прочел. Вот что вы должны выбрать, без всяких возражений, потому что я тороплюсь.

Либо вы решаете отправиться в больницу, потому что мы не хотим терпеть здесь больных такого сорта, либо выезжаете отсюда в течение часа, направляясь в Лион, нигде не останавливаясь, потому что я даю вам только шестьдесят часов, которых вам должно хватить, чтобы проехать сорок почтовых станций. Прибыв в Лион, вы сразу относите г-ну Боно это письмо, он выплачивает вам сотню луи, которые я вам дарю, после чего вы делаете, что хотите, потому что вы больше не у меня на службе. Я дарю вам коляску, что я оставлял в Антибе, и даю вам двадцать пять луи на ваше путешествие. Выбирайте. Но предупреждаю вас, что если вы выберете больницу, я заплачу вам только жалованье за месяц, потому что я вас выгоняю со службы, начиная с этого момента.

Немного подумав, он сказал мне, что едет в Лион, хотя и с риском для жизни, потому что он очень болен. Я кликнул Клермона, чтобы тот собрал его чемодан, и известил хозяина гостиницы об отъезде этого человека, чтобы тот тут же отправил за почтовыми лошадьми. После этого я отдал письмо, адресованное Боно, и двадцать пять луи Клермону, чтобы тот передал их Пассано, когда тот сядет в коляску, в момент отъезда. С окончанием этих забот я обратился к своим амурам. Мне необходимо было провести долгие беседы с Марколиной, в которую, мне казалось, я становился день ото дня все влюбленней. Она повторяла мне каждый день, что для того, чтобы чувствовать себя полностью счастливой, ей не хватает только знания французского языка и тени надежды, что я смогу отвезти ее с собой в Англию.

Я никогда не обнадеживал ее в этом, и мне было грустно, когда я понимал, что должен подумать о том, чтобы расстаться с этой девушкой, переполненной сладострастия, ласки и рожденной с темпераментом, который делал ее ненасытной во всех удовольствиях постели и стола, за которым она ела столько же, сколько и я, и пила больше меня. Она была рада, что я избавился от своего брата и от Пассано, и умоляла сходить с ней в комедию, где весь бомонд добивался бы ее внимания и стремился бы узнать, кто она такая, упрекая за нежелание отвечать. Я пообещал пойти с ней на следующей неделе:

– Потому что сейчас, – говорил я ей, я весь день занят неким магическим делом, в котором я нуждаюсь и в тебе. Я сделаю тебе маленькое одеяние, чтобы ты могла переодеться в жокея, и, одетая таким образом, ты предстанешь перед маркизой, у которой я живу, в час, который я тебе назову, держа в руках записку. Хватит у тебя смелости это проделать?

– Разумеется. А ты там будешь?

– Да. Она заговорит с тобой, и, не говоря по-французски, ты, соответственно, не сможешь ей ответить, ты сойдешь за немую. В записке будет об этом сказано; в записке будет также сказано, что ты предлагаешь послужить ей в бане, в компании со мной; она согласится с твоим предложением, и в час, когда она тебе прикажет, ты разденешь ее догола, затем сделаешь то же сама и разотрешь ее от кончиков пальцев ног до конца ягодиц, и не дальше. Когда ты проделаешь это все с ней в ванне, я разденусь сам догола, крепко обниму маркизу, при этом ты будешь только на нас смотреть. Когда я отодвинусь от нее, ты вымоешь своими нежными руками ее интимные части и затем их вытрешь. Ты сделаешь со мной то же самое, и я снова крепко обниму ее второй раз. По окончании этого второго раза, снова ее помыв, ты меня тоже вымоешь и покроешь меня флорентийскими поцелуями, вследствие чего я дам ей недвусмысленные знаки моей нежности. Затем я обниму ее третий раз, и твоей задачей в этот раз будет ласкать нас обоих вплоть до окончания сражения. Затем ты дашь нам последнее омовение и затем, обтерев, оденешься сама, возьмешь то, что она тебе даст, и вернешься сюда. Ты увидишь меня спустя час.

– Я сделаю все, что ты мне велишь, но ты понимаешь, чего мне должно это стоить.

– Не более, чем мне, потому что это тебя я буду хотеть обнимать, а не старую женщину, которую ты увидишь.

– Она очень стара?

– Ей будет скоро семьдесят лет.

– Даже так? Я тебе сочувствую, бедный Джакометто. И затем ты придешь ужинать и спать со мной?

– Конечно.

– В добрый час.

Я увиделся в назначенный день с м-м Одибер, с отцом моей так называемой племянницы, которому я рассказал все по правде, за исключением того, что я спал с ней. Он меня неоднократно обнимал и благодарил сотню раз за то, что я сделал для нее более, чем он сам мог бы сделать. Он сказал мне, что получил от своего корреспондента другое письмо, касающееся его сына, очень послушного и заслуживающего уважения.

– Он ничего не спрашивал у меня о ее приданом, – сказал мне он, – но я дам ему сорок тысяч экю, и мы устроим свадьбу здесь, потому что это очень почетный брак. Весь город Марсель знает г-на Н.Н., и завтра я расскажу всю историю моей жене, которая в благодарность за прекрасное завершение дарует своей дочери полное прощение.

Я должен был пообещать быть на этой свадьбе вместе с м-м Одибер, которая, зная меня за заядлого игрока и собирая у себя большие партии игры, удивлялась, что не видит меня там; но я находился тогда в Марселе с тем, чтобы создавать, а не разрушать. Все должно совершаться в свое время.

Я заказал Марколине жакет из зеленого бархата до пояса и штаны из того же материала, я дал ей зеленые чулки с башмаками из сафьяна и перчатки того же цвета, зеленую сетку на испанский манер, с длинным пологом сзади, прикрывающим ее длинные черные волосы. Одевая таким образом, она являла собой персонаж, столь достойный восхищения, что, появившись она на улицах Марселя, все бы пошло за ней, потому что, помимо этого, ее девичья прелесть не могла ускользнуть ни от чьих глаз. Я отвел ее перед ужином, одетую в женское платье, ко мне, чтобы показать ей, в какое место в моей комнате она должна спрятаться после операции, в день, который я назначу.

Когда культовые процедуры были в субботу окончены, я назначил с помощью оракула преобразование Серамис на вторник, в часы Солнца, Венеры и Меркурия, которые в планетарной системе магов следуют, как в системе Птолемея. Это должны были быть девятый, десятый и одиннадцатый часы этого дня, поскольку во вторник первый час должен был принадлежать Марсу. Часы в начале мая имели по шестьдесят минут каждый; читатель, стало быть, видит, если он хоть немного магик, что я должен был проделать операцию над м-м д'Юрфэ в течение двух с половиной часов без шести или пяти минут. В понедельник с наступлением ночи, в час Луны, я отвел м-м д'Юрфэ на берег моря, в сопровождении Клермона, который нес ящик, весящий пятьдесят фунтов. Уверившись, что никто нас не видит, я сказал м-м д'Юрфэ, что момент настал, и в тот же момент приказал Клермону положить ящик у наших ног, сказав, чтобы он шел ожидать нас в коляске. Мы обратили наше специальное моление к Селенис и бросили ящик в море, при большом ликовании м-м д'Юрфэ, но не большем, чем мое, потому что ящик, брошенный в воду, содержал пятьдесят фунтов свинца. У меня был другой у меня в комнате, где его никто не мог увидеть. По возвращении в «Тринадцать кантонов» я оставил маркизу, сказав ей, что я вернусь в гостиницу после того, как возблагодарю Луну, в том же месте, где я творил мои семь заклинаний.

Я отправился ужинать с Марколиной, и когда она переделась в жакет, я написал каменными квасцами на белой бумаге прописными буквами:

«Я немая, но не глухая. Я вышла из Роны, чтобы вас обмыть. Время пошло».

– Вот записка, – сказал я Марколине, – ты отдашь ее маркизе, когда предстанешь перед ней.

Я повел ее с собой пешком, мы вошли в мою гостиницу так, что нас никто не видел, затем в мою комнату, где я спрятал ее в шкафу. Затем я переделся в домашнее платье и вошел к мадам, передав ей новость, что Селенис назначила преобразование на завтра начиная с трех

часов, и оно должно закончиться в пять с половиной, чтобы не рисковать перевалить на час Луны, который следует за часом Меркурия.

– Распорядитесь, мадам, чтобы до обеда ванна была готова здесь, в ногах вашей кровати, и убедитесь, что Бруньоль не войдет к вам до ночи.

– Я скажу ей, чтобы пошла прогуляться; но Селенис обещала нам Ундину.

– Это правда; но я ее не видел.

– Спросите оракула.

– Как вам будет угодно.

Она сама задала вопрос, возобновив свои моления гению Паралис о том, чтобы операция не была отложена, если даже Ундина не появится, поскольку она готова омыть себя сама. Оракул ответил, что приказы Оромазис неизменны, и она не должна сомневаться. Маркиза на этот ответ произнесла искупительное моление. Эта женщина не могла вызвать у меня уважение, так как очень меня сместила. Она обняла меня, говоря:

– Завтра, мой дорогой Галтинард, вы станете моим мужем и отцом. Пусть ученые объяснят эту загадку.

Я закрыл ее дверь и пошел доставать из шкафа мою Ундину, которая уже разделась и легла в мою кровать, где очень охотно прослушала назидание о том, что должна меня уважить. Мы проспали ночь, не взглянув друг на друга. Утром, прежде, чем позвать Клермона, я дал ей позавтракать и убедил залезть в шкаф с окончанием операции, потому что она не должна была рисковать, что ее кто-то увидит в гостинице, одетую таким образом. Я повторил ей весь урок, порекомендовал ей быть смеющейся и ласковой и помнить, что она должна быть немой, но не глухой, и что точно в два с половиной часа она должна войти и представить бумагу маркизе, преклонив колено.

Обед был назначен на полдень и, войдя в комнату маркизы, я увидел ванну в ногах ее кровати, заполненную водой на две трети. Маркизы там не было, но две или три минуты спустя я увидел ее выходящей из туалетного кабинета, с большим количеством румян на щеках, в чепце из тонких кружев, со светлой накидкой, прикрывающей ее грудь, которой за сорок лет до той эпохи Франция не видывала красивей, и в старинном, но очень богатом, платье, в золоте и серебре. На ней были изумрудные подвески в ушах и колъе из семи аквамаринов, обрамляющих изумруд самой чистой воды; оно висело на цепи из бриллиантов, очень чистых, в полтора карата, числом восемнадцать-двадцать. На пальце у нее был карбункул, который, как я знаю, она оценивала в миллион, но который был композицией, но остальные камни, которых я у нее ранее не знал, были цельные и тонкой работы, как я убедился позднее.

Видя Серамис, так украшенную, я понял, что должен воздать ей честь, я вышел вперед, чтобы поцеловать ей руку на коленях, но она, не согласившись, пригласила меня себя поцеловать. Сказав Бруньоль, что она ее отпускает до шести часов, она разговаривала со мной о нашем деле, вплоть до момента, когда нам подали обед.

За столом нам позволено было прислуживать только Клермону, и она хотела в этот день есть только рыбу. Около половины второго я сказал Клермону закрыть наши апартаменты для всех и пойти, если он хочет, также прогуляться до шести. Мадам начала проявлять беспокойство, и я также притворился, что слегка обеспокоен, я поглядывал на часы, снова вычислял планетарные часы и минуты, говоря только:

– Мы еще только в часе Марса, час Солнца еще не начался.

Мы дождались, наконец, боя часов, который отметил половину второго, и, две или три минуты спустя, увидели прекрасную Ундину, которая вошла, смеясь, и размеренным шагом, подошла прямо к Серамис и вручила ей свой листок, преклонив колено. Та увидела, что я не встаю, и тоже осталась сидеть, но подняла Ундину, приняв у нее листок, и удивилась, увидев, что он белый со всех сторон. Я сразу подаю ей перо; она понимает, что должна спросить оракул. Она спрашивает у него, что означает этот листок. Я беру у нее перо, составляю пирамиду

из ее вопроса, она интерпретирует ответ и получает: «То, что написано на коже, может быть прочитано только в воде».

– Я все поняла, – говорит она; она встает, подходит к ванне, погружает в нее развернутый листок и читает буквами, более светлыми, чем бумага:

«Я немой, но я не глухой. Я покинул Рону, чтобы вас омыть, наступил час Оромазис».

– Мой же меня, божественный Гений, – говорит ей Серамис, положив листок на стол и садясь на кровать.

Марколина, в точности, как я ее учил, снимает с нее чулки, затем платье, затем рубашку, затем помещает деликатно ее ноги в ванну и, обнажившись с наибольшей быстротой, заходит в ванну по колени, в то время как я, сам приведя себя в такое же, что и они, состояние, прошу Гения осушить ноги Серамис и быть божественным свидетелем моего единения с нею, во славу бессмертного Орозмадиса, короля Саламандр.

Едва я произнес мое моление, немая Ундина, которая не была глухой, вняла ему, и я осуществил брак с Серамис, восхищаясь красотою Марколины, которых никогда еще так хорошо не обозревал.

Серамис была прекрасна, но она была, как я сейчас; без Ундины операция бы сорвалась. Серамис, между тем, нежная, влюбленная, пригодная для этого, но, при всем при том, отвратительная, не была мне неприятна. После свершившегося я сказал ей:

– Надо ждать часа Венеры.

Ундина нас очистила там, где виднелись брызги Амура; она обняла супругу, обмыла ее выше ягодиц, лаская ее и везде целуя, затем сделала то же Серамис, в своем счастье, любясь прелестями этого божественного создания, приглашает меня их оценить, я нахожу, что никакая смертная женщина не может с ней сравниться, Серамис становится еще нежнее, наступает час Венеры, и, взбодренный Ундиной, я предпринимаю второй штурм, который должен быть более мощным, потому что в этом часе шестьдесят пять минут. Я вхожу в ристалище, я работаю полчаса, обливаясь потом и утомляя Серамис, но не достигая при этом пика и опасаясь смоненичить; она осушает мой лоб от пота, который стекает с моих волос, смешанный с помадой и пудрой; Ундина, оказывая мне самые возбуждающие ласки, сохраняет то, что старое тело, которое я должен трогать, разрушает, и природа опровергает эффективность средств, которые я использую, чтобы довести до конца этот этап. К концу часа я решаю, в конце концов, финишировать, изобразив все обычные знаки, что проявляются в этот сладкий момент. Выйдя из битвы победителем, но еще угрожая, я не оставляю маркизе ни малейшего сомнения в моих достоинствах: она сочла бы Анаэль несправедливым: он объявил бы меня Венере фальсификатором.

Сама Марколина была введена в заблуждение. Наступал третий час, надо было удовлетворить Меркурия. Мы провели четверть его часа, погрузившись в ванну по пояс. Ундина очаровала Серамис своими ласками, о которых сам герцог-регент Орлеанский не имел понятия; она сочла их присущими Гениям рек, она восхищалась тем, что Гений-женщина творил с ней своими пальцами. Переполненная благодарности, она просила прекрасное создание надеть на меня своими сокровищами, и, благодаря этому, Марколина выложила все свои познания венецианской школы. Она стала вдруг лесбиянкой и, видя меня ожившим, вдохновила услужить и Меркурию; и вот, я действую снова, не без грома, но в отсутствие молнии. Я вижу невыразимое огорчение, которое вызывает моя работа в Ундине, я вижу, что Серамис желает окончания битвы, я не могу больше ее выдерживать, я решаю имитировать конец во второй раз, агонией, сопровождаемой конвульсиями, заканчивающимися неподвижностью, необходимым следствием возбуждения, которое Серамис сочла, как она мне сказала впоследствии, беспримерным.

Сделав вид, что пришел в себя, я вошел в ванну и вышел оттуда после краткого омовения. Начав меня одевать, Марколина то же стала делать и маркизе, которая смотрела на нее обожа-

ющим взглядом. Затем Ундина оделась, и Серамис, побуждаемая своим Гением, сняла с себя кольцо и надела его на шею прекрасной банщицы, которая, подарив ей флорентийский поцелуй, убежала, направившись в свой шкаф. Серамис спросила у оракула, свершилась ли операция. Обеспокоенный этим вопросом, я сделал так, что последовал ответ оракула, что Глагол Солнца пребывает в ее душе, и что она родит в начале февраля себя саму противоположного пола, но что она должна провести сто семь часов в постели.

Переполненная радости, она сочла, что этот приказ отдыхать сто семь часов божественным образом уместен. Я ее поцеловал, сказав, что сам направлюсь спать за город, чтобы собрать остаток снадобий, которые остались у меня после заклинаний, которые я обращал к Луне, пообещав пообедать с ней завтра.

Я бесконечно наслаждался с Марколиной до половины восьмого, потому что, если я не хотел, чтобы меня увидели выходящим из гостиницы вместе с ней, я должен был дожидаться ночи. Я снял с себя прекрасный свадебный наряд и переоделся во фрак и в фиакре направился с ней в ее апартаменты, прихватив с собой ящик даров планетам, который я так хорошо добыл. Мы оба умирали от голода, но деликатный ужин, который мы себе заказали, нас снова вернул к жизни. Марколина сняла с себя свой зеленый жакет и надела женское платье, отдав мне кольцо.

– Я его продам, дорогая, и отдам тебе деньги.

– Сколько оно может стоить?

– Не менее тысячи цехинов. Ты станешь в Венеции обладательницей пяти тысяч дукатов; ты найдешь себе мужа, с которым будешь вполне довольна жизнью.

– Я отдам тебе все пять тысяч дукатов, но возьми меня с собой в качестве твоей нежной подружки; я буду любить тебя как свою душу, я не буду никогда ревновать, и буду заботиться о тебе как о моем ребенке.

– Мы поговорим об этом, моя прекрасная Марколина; теперь, когда мы хорошо поужинали, пойдем в койку, потому что я никогда не был так влюблен в тебя, как сейчас.

– Ты должен быть усталым.

– Это правда, но не исчерпан в отношении любви, потому что смог, небо свидетель, спустить только раз.

– Я думала, что два. Добрая старая женщина! Она еще привлекательна. Она должна была быть, лет пятьдесят назад, первой красавицей Франции. Когда становишься старой, не можешь больше нравиться Амуру.

– Ты вздымаешь меня с большой силой, а она опускает с еще большей силой.

– Значит ли это, что тебе надо иметь перед глазами молодую девушку, когда ты хочешь быть нежным по отношению к ней?

– Отнюдь нет, потому что в иных случаях речь не шла о том, чтобы зачать ребенка мужского пола.

– Ты, значит, взялся ее обрюхатить. Позволь мне посмеяться, прошу тебя. Она, должно быть, решила, что забеременела.

– Действительно, она так думает, потому что она уверена, что я дал ей семя.

– Ох, как забавно! Но зачем ты имел глупость взяться за тройное действо?

– Я думал, что, наблюдая тебя, мне это будет легко, и я ошибся. Ее дряблая кожа, которой я касался, не такова, какую видят мои глаза, и пик наслаждения не хотел наступать. Ты убедишься в том, что это правда, этой ночью. Пойдем ложиться, говорю тебе.

– Пойдем.

Сила сравнения заставила меня провести с Марколиной ночь, сравнимую с теми, что я провел в Парме с Генриеттой и в Мурано с М.М. Я оставался в постели четырнадцать часов, из которых четыре были посвящены любви. Я сказал Марколине одеться прилично и ждать меня в час комедии. Я не мог доставить ей большего удовольствия.

Я нашел м-м д'Юрфэ в постели, очень элегантную, причесанную как молодая женщина, с удовлетворенным видом, которого я у нее никогда не видел. Она сказала мне, что знает, что обязана мне своим счастьем; и начала, исходя из своей мании, рассуждать со мной весьма разумно.

– Женитесь на мне, – говорила мне она, – и вы останетесь опекуном моего ребенка, который будет и вашим сыном, и, соответственно, вы сохраните мне все мое добро и вы станете хозяином того, что я должна унаследовать от г-на де Понкарре, моего брата, который стар и не может жить долго. Если вы не позаботитесь обо мне в ближайшем феврале, когда я должна возродиться в мужчине, кто позаботится обо мне? Бог знает, в чьи руки я попаду. Меня объявят бастардом и заставят потерять двадцать четыре тысячи ливров ренты, которые вы можете мне сохранить. Подумайте над этим хорошенько, Гальтинард. Я чувствую в себе уже душу мужчины; уверяю вас, я влюблена в Ундину и хотела бы знать, смогу ли я спать с ней через четырнадцать-пятнадцать лет. Если Оромазис захочет, он это сможет. Ах, очаровательное создание! Видели ли вы когда-нибудь столь прекрасную женщину? Жаль, что она немая. У нее должен быть любовником Унден. Но все Ундены немые, потому что в воде нельзя говорить. Я удивлена, что она не глуха. Я была поражена, что вы ее не трогали. Нежность ее кожи невероятна. Ее слюна сладка. Ундины владеют языком жестов, которому можно научиться. Я была бы рада иметь возможность общаться с этим существом! Прошу вас проконсультироваться с оракулом и спросить у него, где я должна разрешиться; и если вы не можете на мне жениться, мне кажется, что надо продать все, что у меня есть, чтобы обеспечить мое будущее, когда я возражусь, потому что в моем раннем детстве я не буду ничего знать, и нужны деньги, чтобы дать мне воспитание. Распродав все, можно вложить в ренту большую сумму, которая, будучи помещенной в надежные руки, послужит тем, чтобы обеспечить все мои потребности с одной целью.

Я ответил ей, что оракул будет нам единственным вожатым, и что я никогда не поверю, что, став мужчиной и будучи моим сыном, она может быть объявлена бастардом; и она успокоилась. Она рассуждала очень здраво, но в основе ее аргументации лежал абсурд, она внушала мне только жалость. Если какой-то читатель сочтет, что, как порядочный человек, я должен был бы ее разубедить, мне его жаль; это было невозможно; и даже если бы я это смог, я не стал бы этого делать, потому что я сделал бы ее несчастной. Такая, как она, могла питаться только химерами.

Я надел одну из своих самых галантных одежд, чтобы отвести Марколину в комедию в первый раз. Так случилось, что две сестры Рангони, дочери консула Рима, пришли и сели в той же ложе, что и мы. Поскольку я их знал с первого моего приезда в Марсель, я представил им Марколину в качестве своей племянницы, которая говорит только по-итальянски. Марколина была счастлива, получив, наконец, возможность говорить с француженкой на своем венецианском наречии, исполненном прелести. Младшая из сестер, гораздо более миловидная, чем старшая, стала в скором времени принцессой Гонзаго Сольферино. Принц, который женился на ней, одаренный литературно и даже отмеченный гением, хотя и бедный, был не только из фамилии Гонзаго, поскольку был сыном Леопольда, также весьма бедного, и некоей Медини сестры того Медини, который умер в тюрьме в Лондоне в 1787 году. Рабет Рангони, хотя и бедная дочь римского консула, марсельского торговца, считала себя достойной украсить титулом принцессы, поскольку имела соответствующий вид и манеры. Она блистала своим именем Рангони в ряду принцев, которые находились во всех альманахах. Ее муж довольствовался тем, что читатель альманаха полагал, что его жена происходит из знатной семьи Модены. Невинное тщеславие. Те же альманахи дали Медини, матери этого принца, фамилию Медичи. Таковы были маленькие хитрости, проистекающие из чванства, которые не несут никакого вреда обществу. Этот принц, которого я видел в Венеции восемнадцать лет назад, жил на значительный пенсион, что ему предоставила императрица Мария-Терезия; надеюсь, что покойный импера-

тор Иосиф не лишил его ее, потому что он ее достоин, и своим нравом и своим умом, сосредоточенным на литературе.

Марколина на комедии только и знала, что болтать с очаровательной юной Рангони, которая хотела уговорить меня привести ее к ним; но я от этого уклонился. Я раздумывал над способом отправить в Лион Мадам, с которой уже не знал, что делать, и которая меня в Марселе тяготила.

На третий день после своего преобразования она попросила меня задать Паралис вопрос, где она должна расположиться, чтобы умереть, то есть устроить свои роды, и по этому случаю я заставил оракул выдать ответ, что надо учредить поклонение Ундинам у двух рек, в тот же час, после которого дело будет разрешено, тот же оракул мне сказал, что я должен произвести тройное искупительное приношение Сатурну в связи со своим слишком суровым обращением с фальшивым Кверилинтом, в котором Серамис нет никакого смысла участвовать, поскольку она должна присутствовать при поклонении Ундинам.

Я сделал вид, что размышляю о том, где находятся две реки на малом расстоянии друг от друга, и она сама мне сказала, что это Лион, который омывается Роной и Сонной, и нет ничего проще, чем устроить это поклонение в этом городе, и я вынужден был согласиться. Спрошенный ею, есть ли у нас необходимые для этого культовые предметы, я организовал ответ, что нужно только бросить бутылку с морской водой в каждую из двух рек за пятнадцать дней до производства моления, церемониал, который Серамис может выполнить сама в первый час дня, в любой из дней Луны.

– Нужно, однако, – сказала мне Серамис, – наполнить бутылки здесь, так как все другие морские порты Франции находятся дальше, и необходимо, чтобы я двинулась сразу, как мне будет дозволено сойти с моей постели, и чтобы я ждала вас в Лионе. Видите, что, будучи обязанным произвести здесь искупительные церемонии Сатурну, вы не можете ехать со мной.

Я согласился с этим, сделав вид, что сожалею о том, что вынужден отпустить ее ехать одну; я принес ей назавтра две закупоренные бутылки, заполненные соленой водой Средиземного моря, договорился, что она бросит их в реки пятнадцатого мая, пообещав, что буду в Лионе до истечения двух недель, и мы наметили ее отъезд на послезавтра, которое было одиннадцатое число. Я передал ей записанные часы Луны и наметил ее маршрут, с ночевкой в Авиньоне.

После ее отъезда я поселился с Марколиной. Я передал ей в тот же день четыреста шестьдесят луи золотом, которые присоединил к тем ста шестидесяти, что она выиграла в бириби, что сделало ее богаче на шестьсот луи. На следующий день после отъезда маркизы в Марсель прибыл г-н Н.Н. с письмом от Розали Паретти, которое отдал мне в тот же день. Она мне писала, что ее честь, а также моя, требуют, чтобы я сам представил подателя этого письма отцу моей племянницы. Розали была права; но поскольку девушка не была моей племянницей, дело становилось затруднительным. Однако это не помешало мне сказать ему, крепко его обняв, что я тотчас поведу его к м-м Одибер, близкой подруге невесты, которая представит его вместе со мной его будущему свату, который затем отведет его к своей дочери, которая находится в двух лье от Марселя.

Г-н Н.Н. собрался поселиться в «Тринадцати кантонах», где, как ему сказали сначала, я живу, был счастлив, что исполнились его желания, и радость его возросла, когда он увидел, какой прием ему оказала м-м Одибер. Она приняла сразу его накидку, поднялась вместе с ним в мою коляску и проводила нас к г-ну Н.Н., который, прочитав письмо своего корреспондента, представил его своей жене, которую предупредил, сказав:

– Моя дорогая жена, вот наш зять.

Я был весьма удивлен, потому что этот человек, сообразительный и умный, заранее предупрежденный м-м Одибер, представил меня своей жене, назвав своим кузеном, тем самым, что путешествовал с их дочерью. Она наговорила мне комплиментов, и вот – затруднение пре-

одолено. Он направил срочно экспрессом записку своей сестре, чтобы известить ее, что придет завтра обедать к ней вместе со своей женой, своим будущим зятем, м-м Одибер и одним из их кузенов, которого она не знает. Отправив экспресс, он пригласил нас, и м-м Одибер взялась нас проводить. Она сказала, что со мной есть еще другая племянница, которую его дочь очень любит и будет обрадована, увидев ее снова. Он этому был рад. Восхищаясь умом этой женщины, я был очарован возможностью разделить это удовольствие с Марколиной и принес самые искренние благодарности м-м Одибер, которая ушла, сказав, что ждет нас у себя дома завтра в десять. Я отвел к себе домой г-на Н.Н., который пошел в комедию с Марколиной, которая любила поговорить, и вследствие этого, не терпела общества французов, которые говорили только на своем языке. После спектакля г-н Н.Н. поужинал с нами, и за столом я сообщил Марколине новость, что она обедает завтра со своей любимой подругой; Я думал, что она сойдет с ума от радости. После отъезда г-на Н.Н. мы сразу легли, чтобы быть готовыми завтра рано утром. Будущее не заставило себя ждать. Мы прибыли в назначенный час к м-м Одибер, которая говорила по-итальянски, и, сочтя Марколину настоящей прелестью, осыпала ее ласками, сожалея, что я раньше ее ей не представил. Мы прибыли в одиннадцать в Сен-Луис, где я имел удовольствие наблюдать прекрасный спектакль. М-ль П.П. с достойным видом, смешанным с уважением и нежностью, встретила самым грациозным образом со своим будущим мужем и затем поблагодарила меня за то внимание, с которым я представил его ее отцу, затем, перейдя от серьезного тона к веселому, осыпала поцелуями Марколину, которая была слегка удивлена тем, что дорогая подруга прежде не сказала ей чего-нибудь.

Все на этом обеде были довольны и очень веселы. Я сам смеялся, когда у меня спрашивали, почему я грустен. Так полагали, потому что я не разговаривал; но было ли отчего быть мне грустным! Это был один из самых прекрасных моментов моей жизни. В такие моменты мой ум погружается в удивительное спокойствие полного удовлетворения, я ощущал себя автором прекрасной комедии, весьма удовлетворенным (на мой счет) тем, что сотворил в этом мире больше доброго, чем дурного, и что, не родившись королем, мне удастся сделать кого-то счастливым. За этим столом не было никого, кто бы не был мне обязан своим довольством; такая мысль доставляла мне радость, которую я мог переживать только в молчании.

М-ль П.П. вернулась в Марсель вместе со своим отцом, своей матерью и своим будущим мужем, которого г-н П.П. хотел теперь поселить только у себя, и я вернулся вместе с м-м Одибер, которая предложила мне привести к ней на ужин Марколину. Свадьбу назначили по получении ответа на письмо, которое г-н П.П. написал отцу жениха. Мы все были приглашены на свадьбу, и Марколина была очень этому рада. Какое удовольствие было мне видеть эту юную венецианку при нашем возвращении из Сен-Луи, сумасшедшую от любви. Такой делается, или должна бы сделаться, любая девушка, которая видит, что ее истинный любовник осыпает ее вниманием; вся ее благодарность переходит в любовь, и любовник чувствует себя вознагражденным удвоенной нежностью.

За ужином у м-м Одибер молодой человек, очень богатый, крупный виноторговец, хозяин фирмы, который провел год в Венеции, усевшись рядом с Марколиной, наговорил ей тысячу любезностей, показывая, что оказался чувствителен к ее прелестям. Я по характеру всегда был ревнив по отношению ко всем моим любовницам, но когда я мог углядеть счастливую судьбу для них в том сопернике, что возникал у меня перед глазами, ревность уходила. В этот первый раз я лишь спросил у м-м Одибер, кто этот молодой человек, и был рад узнать, что он умен, владеет сотней тысяч экю и большими магазинами вин в Марселе и Сете.

На следующий день, в комедии, он вошел в нашу ложу, и я был рад увидеть, что Марколина оказала ему любезный прием. Я пригласил его поужинать с нами, он был благодарен, пылок и нежен. При его отъезде я сказал, что надеюсь, что он как-нибудь еще окажет мне эту честь, и, оставшись наедине с Марколиной, поздравил ее с победой, сказав, что ей улыбается

судьба, почти такая же, как м-ль П.П., но вместо того, чтобы увидеть у нее благодарность, увидел гнев.

– Если ты хочешь, – сказала мне она, – от меня избавиться, отправь меня в Венецию; я не хочу выходить замуж.

– Утихомирься, мой ангел, – мне избавиться от тебя? Какое выражение! Какие я тебе подал поводы, чтобы ты могла подумать, что ты мне в тягость? Этот прекрасный человек, воспитанный, богатый, тебя любит, я думал, что он тебе тоже нравится, и хотел бы видеть тебя счастливой и не зависящей от капризов фортуны, я указываю тебе на счастливую долю, а ты мне грубишь? Дорогая Марколина, не плачь, ты меня огорчаешь.

– Я плачу потому, что ты вообразил, что я его люблю.

– Это могло бы быть; я больше не буду так думать. Успокойся, и пойдем спать.

Ее слезы мгновенно перешли в смех и ласки, и мы больше не говорили о виноторговце. Назавтра в комедии он пришел в нашу ложу, и Марколина была с ним вежлива, но холодна. Я не посмел приглашать его поужинать с нами. Дома Марколина поблагодарила меня, что я его не позвал, и сказала, что боялась этого. Этого мне было достаточно, чтобы в будущем быть сдержаннее. Назавтра м-м Одибер нанесла нам визит, чтобы позвать поужинать вместе с ней и виноторговцем; я повернулся к Марколине, чтобы спросить, согласна ли она на это приглашение, и она ответила, что счастлива побыть вместе с м-м Одибер. Та явилась к нам, чтобы нас забрать, ближе к вечеру, и отвезла к торговцу, который дал нам ужин, не приглашая никого другого. Мы увидели дом холостяка, где не было никого, кроме женщины, занимающейся приемом гостей, хозяйки дома. Молодой человек за ужином, весьма утонченным, делил свое внимание между мадам и Марколиной, которая, восприняв прекрасные манеры м-ль П.П., держалась восхитительно. Веселая, любезная, приличная, – я был уверен, что она загорелась благородным виноторговцем.

М-м Одибер не позднее чем на следующий день попросила меня запиской прийти к ней. Я пришел, слегка заинтересованный, и услышал от нее предложение выдать Марколину замуж за виноторговца. Я, недолго думая, ответил, что был бы этому рад, и что для большей гарантии я выдам племяннице десять тысяч экю, но я не могу решиться сам ей об этом сказать.

– Я направлю ее к вам, мадам, и если вы сможете получить ее согласие, я сдержу свое слово, но вы с ней не говорите при мне, потому что это может ее обидеть.

– Я заеду за ней сама, она со мной пообедает, и вы явитесь за ней ко времени комедии.

На другой день она приехала, и Марколина, которую я предупредил, пошла к ней обедать. В пять часов я был у дамы, где, видя Марколину в прекрасном настроении, не знал, что подумать. Они были вдвоем; не будучи вызван м-м Одибер на тет-а-тет, я тем более не стал с ней уединяться, и к комедии мы уехали. Дорогой Марколина воздала тысячу похвал прекрасному характеру этой женщины, ни слова не говоря о деле, но на середине пьесы я обо всем догадался. Я увидел молодого человека в амфитеатре, и он не появлялся в нашей ложе, где были два свободных места.

Какая радость для Марколины была видеть меня за ужином более нежным, чем всегда! Только в постели, в радости близости, она рассказала мне все о беседе, которую провела с ней м-м Одибер.

– Я ответила ей только, – сказала она мне, – что я выйду замуж, лишь когда ты мне это прикажешь. Я благодарна тебе, тем не менее, за десять тысяч экю, которые ты готов мне подарить. Ты выбрасываешь их для меня, а я бросаю тебе обратно. Я отправлюсь в Венецию, когда захочешь, если решишь, что не можешь взять меня с собой в Англию, но я не буду выходить замуж. Похоже, что мы не увидим больше этого месье, впрочем, весьма любезного, которого я могла бы любить, если бы не было тебя.

Разумеется, мы больше о нем не говорили. Настал день свадьбы м-ль П.П.; мы были приглашены, и Марколина появилась там со мной, без бриллиантов, но со всем блеском наряда, который могла бы пожелать.

Глава IV

Я покидаю Марсель. Генриетта в Эксе. Ирен в Авиньоне. Предательство Пассано. Отъезд из Лиона м-м д'Юрфэ.

Этот свадебный обед позабавил только мою любознательность. Изобилие, шумная компания, комплименты, прерванные разговоры, плоские шутки, хохот во все горло над пошлыми вещами довели бы меня до изнеможения, если бы не м-м Одибер, от которой я не отходил. Марколина была все время около новобрачной, которая, собираясь вернуться через восемь дней в Геную, хотела взять ее с собой, обещаясь отправить ее в Венецию, передав для этого в надежные руки; но Марколина не могла и слышать о планах, целью которых было оторвать ее от меня. Она говорила мне, что поедет в Венецию только тогда, когда я сам ее отправлю. Прекрасная свадьба, которую она видела, не заставила ее сожалеть о хорошей партии, которую м-м Одибер ей предложила. Новобрачная демонстрировала на лице полное душевное довольство, я ей выдал сотню поздравлений, она с ними соглашалась и говорила мне, что ее удовлетворение происходит, в основном, от того, что она уверена, что найдет в Генуе настоящего друга в лице Розали.

На второй день свадьбы я собрался уехать. Я начал с того, что разобрал ларец с дарами планетам, сохранив в нем алмазы и отправив с ними все мои деньги в банк Корсиканский Русса, где содержалась также вся сумма, что мне кредитовал Грелли; я взял кредитное письмо на Туртона и Баура; поскольку м-м д'Юрфэ была в Лионе, у меня не могло возникнуть нужды в деньгах. Трех сотен луи, что были у меня в кошельке, мне хватало на текущие расходы. Но относительно Марколины я поступил по другому. Я взял шесть сотен луи, что были у нее, и добавил к ним двадцать пять и оформил обменное письмо на 15 000 на Лион, потому что думал, что воспользуюсь удобной оказией, чтобы отослать их ей. Для этой же okazji я сделал для нее отдельный чемодан, в который она должна была сложить все платья и все белье, что я для нее заказал. Марколина стала настоящей красавицей и восприняла манеры приличного общества. Накануне нашего отъезда мы попрощались с м-м Н.Н., поужинав у нее вместе с ее мужем и всем семейством. Та нежно обняла Марколину и не менее нежно – меня, автора всего ее благополучия, несмотря на присутствие мужа, который засвидетельствовал мне самую крепкую дружбу.

Мы выехали на следующий день, с намерением ехать всю ночь, чтобы остановиться только в Авиньоне, но в половине шестого, в одном лье от перекрестка Круа д'Ор сломалась рама дышла моей коляски, так что нам понадобился каретник. Мы вынуждены были расположиться ждать, когда придет нам помощь из ближайшего местечка. Клермон пошел справиться в красивый дом, расположенный справа от нас в глубине аллеи в 300 шагов, обсаженной деревьями. У меня остался только один почтальон, которому я не разрешил покидать четверку чересчур резвых лошадей. Клермон вернулся с двумя слугами из того дома, один из которых от имени своего хозяина пригласил нас пойти подождать каретника у него. Я считал бы для себя невежливым отказаться от такого приглашения, весьма, впрочем, естественного для здешнего народа, и особенно для благородного сословия. Привязали дышло веревками и, оставив все на попечение Клермона, я пошел пешком вместе с Марколиной к этому дому. Послали за каретником, а коляска медленно последовала за нами. Три дамы в сопровождении двух благородного вида кавалеров вышли нам навстречу, и один из них сказал мне, что не может слишком быть недовольным случившимся с нами несчастьем, потому что оно доставило мадам удовольствие предложить мне свои дом и свои услуги. Я повернулся к означенной даме и сказал, что надеюсь, что доставленные мною неудобства продлятся не более часочка. Она сделала мне реверанс, но я не разглядел ее лица. В этот день дул сильный ветер из Прованса, и на ней был, как и на двух остальных, низко надвинутый капюшон. Марколина была с непокрытой головой, и ее

прекрасные волосы развевались на ветру. Она ответила реверансом и улыбкой на прекрасные комплименты по поводу ее прелестей, которыми играет ветер; тот же человек, который меня встретил, спросил у меня, предложив ей свою руку, не моя ли она дочь. Марколина улыбнулась, и я ответил, что она моя кузина, и что мы венецианцы.

Самый вежливый из французов настолько старается польстить красивой женщине, что часто не осознает, что комплимент, который он ей делает, звучит в ущерб третьему лицу. Он не мог бы, по совести, предположить в Марколине мою дочь, потому что, несмотря на двадцать лет разницы в возрасте, я выглядел старше лишь на десять, поэтому она и рассмеялась. Мы собирались войти, когда выбежали большая сторожевая собака, а за ней – красивый спаниель с длинными ушами. Испугавшись, как бы большая ее не укусила, мадам бросилась под защиту маленькой, и, споткнувшись, упала. Мы все бросились ее поднимать, но, поднявшись сама, она сказала, что вывихнула ногу, и, хромая, поднялась в свои апартаменты в сопровождении сеньора, с которым я разговаривал. Едва мы уселись, нам принесли лимонаду, и, видя, что Марколина остановилась в растерянности перед одной из этих дам, которая заговорила с ней, я принес той свои извинения, объяснив все. Она начала говорить на ломаном языке, но настолько плохо, что мне пришлось попросить ее не говорить вообще. Это было лучше, чем вызывать смех фразами на иностранном языке. Одна из двух дам, более некрасивая, сказала мне, что странно, что в Венеции пренебрегают воспитанием девочек в этой области.

– Разве их не учат французскому?

– К сожалению, мадам, у меня на родине в систему образования девочек не включают ни изучение иностранных языков, ни карточные игры, это происходит, когда обучение уже закончено.

– Вы, значит, тоже венецианец?

– Да, мадам.

– На самом деле, в это не верится.

Я отвесил реверанс на этот странный комплимент, потому что, хотя и лестный для меня, он обижал моих соотечественников, однако это не ускользнуло от внимания Марколины, которая издала легкий смешок.

– Мадемуазель, значит, понимает по-французски, – сказала мне комплиментщица, – поскольку она засмеялась.

– Да, мадам, она все понимает, и она засмеялась, потому что знает, что я таков же, как остальные венецианцы.

– *Нет, мадам, нет, мадам*, – сказала Марколина и засмеялась.

Кавалер, который проводил раненную даму в ее комнату, вернулся и сказал нам, что мадам, видя свою лодыжку распухшей, легла в кровать и просила нас подняться в ее комнату.

Она лежала на большой кровати в глубине алькова, который занавеси из тафты делали еще темнее. Она была без капюшона, но невозможно было разобрать, красива ли она или дурна, молода или среднего возраста. Я сказал ей, что я в отчаянии, став причиной ее несчастья, и она ответила на итальянском венецианском, что не стоит обращать внимания.

Обрадованный тем, что слышу свой родной язык, особенно в отношении Марколины, я ее представил, сказав, что, поскольку та не знает французского, она сможет с ней поговорить, и та заговорила и повеселила ее своими наивностями, для того, чтобы понять которые, надо хорошо понимать прелестный диалект моей родины.

– Мадам графиня, значит, бывала в Венеции? – спросил я ее.

– Никогда, месье, но я много разговаривала с венецианцами.

Пришел слуга и сказал, что каретник уже во дворе, и что ему надо не менее четырех часов, чтобы привести коляску в исправное состояние. Я попросил позволения спуститься и все увидел сам. Каретник жил в четверти лье отсюда, и я подумал отправиться туда в коляске, подвязав дышло к буксиру веревками, но тот же человек, что говорил со мной ранее, попро-

сил меня от имени графини отужинать и провести здесь ночь у нее, поскольку, отправившись к каретнику, я заплутаю, приеду туда только к ночи, и каретник, вынужденный работать при свечах, сделает все плохо. Согласившись с этим, я сказал каретнику отправляться домой, вернуться сюда на рассвете со всем необходимым, чтобы я смог ехать дальше. Клермон перенес в помещение, которое я должен был занять, все, что у нас было легкого. Я пошел засвидетельствовать мою благодарность графине, прервав смешки, которые вызывала Марколина своими речами, которые графиня переводила, веселя всю остальную компанию. Я не удивился, застав Марколину уже в нежных отношениях с графиней, которую я, к сожалению, не видел, так как понимал ее слабое состояние. Выставили на стол семь кувертов, и я надеялся теперь ее увидеть, но отнюдь – она не захотела ужинать. Она продолжала разговаривать, то со мной, то с Марколиной, очень умно и с большой обходительностью. Я узнал, что она вдова, по одному ее слову – *мой покойный муж* – которое у нее вылетело. Я никак не осмеливался спросить, у кого мы находимся. Я услышал ее имя только от Клермона, когда пошел спать, но все равно, у меня не было никакого представления, какой семье принадлежит это имя.

После ужина Марколина уселась рядом с кроватью графини, без всяких околичностей. Никто не мог разговаривать, потому что диалог между двумя новыми подругами шел непрерывный и очень живой. Когда я решил, что вежливость требует от меня удалиться, я очень удивился, услышав от моей так называемой кузины, что она ляжет вместе с графиней. Смех и возгласы «Да, да» помешали мне, ошеломленному, сказать, что ее намерение почти дерзко. Взаимные объятия показали мне, что они обе согласны; я, пожелав графине доброй ночи, сказал лишь, что я не гарантирую пол существа, которое она допускает в свою постель. Она ответила мне весьма ясно, что она *рискует*.

Я смеялся, направляясь спать, над вкусом Марколины, которая завоевала таким же способом нежную дружбу м-ль П.П. в Генуе. Женщины Прованса, почти все, имеют такую же склонность, они просто более любвеобильны.

Утром я поднялся на рассвете, чтобы поторопить работу каретника. Мне принесли кофе к коляске, и когда все было готово, я спросил, можно ли увидеть мадам, чтобы пойти ее поблагодарить. Марколина вышла вместе с кавалером, который попросил у меня извинения, если мадам не может меня принять.

– Она находится, – сказал он с самой глубокой вежливостью, – в своей кровати настолько неглиже, что не осмеливается никому показаться, но она вас просила, если вы будете здесь проезжать, оказать честь ее дому, будь вы один, будь в компании.

Этот отказ, хотя и позлащенный, мне весьма не понравился, но я сдержался. Я мог отнестись его причину только к дерзости Марколины, которую увидел очень веселой и которую, однако, не хотел ругать. Осыпанный комплиментами, дав по луи каждому присутствующему слуге, я уехал.

Слегка в дурном настроении, но стараясь его скрыть, я попросил Марколину, нежно ее поцеловав, искренне сказать мне, как она провела ночь с графиней, которой я не видел.

– Очень хорошо, мой друг, мы проделывали все те глупости, которые, ты знаешь, творят женщины, любящие друг друга, когда они спят вместе.

– Она красива? Она стара?

– Она молода, ей всего тридцать три-тридцать четыре года, и уверяю тебя, она вся так же прекрасна, как моя м-ль П.П. Я видела ее всю этим утром, и мы друг друга целовали повсюду.

– Ты странная. Ты наставляешь мне рога с женщиной, оставляя меня спать одного. Злодейка, неверная, ты предпочитаешь мне женщину.

– Это был каприз. Но согласишься, что это ей я обязана этим предпочтением, потому что она первая объявила себя влюбленной в меня.

– Как это?

– Когда в веселье я ее поцеловала, как ты видел, она просунула свой язык между моих губ. Ты понимаешь, что я должна была воспринять это определенным образом. После ужина, когда я уселась на ее кровати, я ее прямо пощекотала там, где ты знаешь, и она сделала мне то же самое. Как же мне было не предугадать ее желание, сказав, что я хочу спать с ней? Я сделала ее счастливой. Смотри. Вот знак ее благодарности.

Марколина показала мне кольцо с четырьмя камнями чистой воды, по два или три карата каждый. Я был поражен. Вот женщина, которая любит удовольствие и достойна того, чтобы ей его доставляли. Я выдал сотню нежных поцелуев моей прекрасной ученице Сафо и все ей простил.

– Но я не соображу, – сказал я, – почему она не захотела, чтобы я ее увидел. Мне кажется, некоторым образом, что благородная графиня принимает меня, в какой-то мере, за сводника.

– Отнюдь, нет. Более того, полагаю, что она стыдится, чтобы ее увидел мой любовник, потому что мне пришлось признаться ей в этом.

– Это может быть. Этот перстень, дорогая, стоит две сотни луи. Как я рад видеть тебя счастливой!

– Отвези меня в Англию. Мой дядя должен быть там; и я вернусь в Венецию вместе с ним.

– У тебя есть дядя в Англии? Это правда? Это похоже на сказку. Ты никогда мне этого не говорила.

– Я не говорила тебе ничего, потому что боялась, что это станет причиной того, что ты не захочешь меня туда везти.

– Он венецианец; что он делает в Англии? Ты уверена, что он окажет тебе хороший прием? Откуда ты знаешь, что он там сейчас, и что он собирается вернуться в Венецию? Как его зовут, и как я смогу найти его в Лондоне, где обитает миллион душ?

– Моего дядю легко найти. Его зовут Маттио Босси, и он лакей г-на Кверини, посла Венеции, который отправился передать поздравления новому королю Англии, вместе с прокурором Морозини. Он брат моей матери, он уехал в прошлом году и сказал ей в моем присутствии, что вернется в Венецию в июле этого года. Ты видишь, что мы его застанем как раз накануне его отъезда. Мой дядя Маттио славный человек, ему пятьдесят лет, он меня любит и он простит мне мои шалости, когда увидит меня богатой.

Все это было очевидно тому, кто наблюдал посольство; я знал его еще от г-на де Брагадин, и все остальное, что говорила мне Марколина, носило характер правды. Ее план мне показался прекрасным и разумным, я дал ей слово отвезти ее в Лондон, обрадованный возможностью оставить ее у себя еще пять или шесть месяцев. Мне казалось, что, оставив ее у себя, я буду путешествовать вполне счастливо.

Мы прибыли в Авиньон к концу дня. Мы проголодались, Марколина переполняла меня любовью; гостиница Св. – Гомер была превосходна; я сказал Клермону взять из коляски все необходимое и заказать четверку лошадей на завтра на пять часов утра. Удовлетворение Марколины, которая не любила ехать ночью, меня порадовало; но вот что она мне сказала, пока нам готовили ужин.

– Мы в Авиньоне?

– Да, дорогая.

– Ладно, дорогой Джакометто, теперь я как порядочная девушка должна выполнить поручение, которое мне дала графиня сегодня утром, перед тем, как в последний раз меня поцеловать. Она заставила меня поклясться, что до этого момента я ничего тебе не скажу.

– Это очень интересно. Говори.

– Это письмо, что она тебе написала.

– Письмо?

– Ты простишь меня за то, что я тебе не передала его до этого момента?

– Конечно, раз ты дала ей слово. Где это письмо?

– Подожди.

Она вынула из кармана пакет с бумагами.

– Вот это мое свидетельство о рождении.

– Я вижу; ты родилась в 46 году.

– Это мое свидетельство о добронравии.

– Сохрани его.

– Этот свидетельствует о моей девственности до настоящего времени.

– Превосходно. Его выдает акушерка?

– Патриарх Венеции.

– Где письмо?

– Я не потеряла его.

– Боже тебя сохрани. Я отправлю тебя обратно в Экс.

– Это обещание, которое дал мне твой брат – жениться на мне сразу, как только он перейдет в реформатство.

– Дай его мне.

– Что такое перейти в реформатство?

– Я тебе потом скажу. Где письмо?

– Вот оно.

– Без адреса.

Сердце мое забилося. Я его вскрываю и вижу адрес на итальянском: «Самому порядочному человеку на свете». Я вскрываю и вижу внизу листочка: «Генриетта». И все. Она оставила лист чистым. При виде этого я окаменел телом и душой. *Io non morii, e non rimasi vivo*⁷. Генриетта! Ты не захотела, чтобы я узнал о твоём существовании, прежде чем приехал сюда, потому что опасалась, что я вернусь обратно, чтобы тебя увидеть. Но я увижу тебя завтра. Ты передала мне, что твой дом для меня всегда открыт. Но нет. Приказ, который ты дала Марколине, указывает, что ты не хочешь меня сейчас видеть. Ты, может быть, уехала этим же утром, бог знает, куда. Ты вдова, Генриетта. Ты богата. Позволь мне думать, что ты счастлива. Ты, возможно и смеялась с Марколиной, чтобы показать мне это. Моя дорогая, моя благородная, моя божественная Генриетта!

Марколина, удивленная моим долгим молчанием, не смела его нарушить. Я не двигался, пока не пришел хозяин, чтобы меня приветствовать и сказать, что приготовил ужин по моему прежнему вкусу. Я поблагодарил его и открыл душу Марколине, нежно ее расцеловав, прежде, чем сесть за стол.

– Ты знаешь, ты меня напугал, – сказала мне она. Ты побледнел, ты пробыл четверть часа как лишившийся ума. Что это? Я поняла, что графиня тебя знает, но не могла предположить, что одно ее имя произведет на тебя такое большое впечатление.

– Как ты узнала, что она меня знает?

– Она сказала мне сотню раз этой ночью, но приказала ничего тебе не говорить до того, как ты вскрыешь письмо.

– Что она тебе сказала?

– То же, что говорит этот адрес. Это странно. Все письмо состоит из адреса. Внутри содержится только ее имя.

– Но это имя, мой ангел, говорит все.

– Она сказала, что если я хочу быть всегда счастлива, я не должна тебя покидать. Я ответила ей, что уверена в этом, но что ты хочешь отослать меня домой, несмотря на то, что немислимо меня любишь. Я вижу и догадываюсь, что вы были нежными любовниками. Скажи, давно ли это было?

⁷ Я остаюсь ни жив ни мертв – *ит.* (цитата из «Неистового Роланда»)

- Шестнадцать-семнадцать лет назад.
- Она не могла быть еще красивее.
- Молчи.
- А ваша дружба, была ли она долгой?
- Четыре месяца совершенной и непрерывной радости.
- Я не буду счастлива столь долго.
- Будешь, дорогая Марколина, с другим приличным мужчиной, красивым и твоего примерно возраста. Я еду в Англию, чтобы попытаться взять мою дочь из рук ее матери.
- У тебя есть дочь? Графиня спросила меня, был ли ты женат, и я ответила, что нет.
- Ты сказала правду. Эта дочь незаконная, ей десять лет. Я тебе ее покажу. Ты поймешь, что она моя дочь.

В тот момент, как мы садились за стол, какой-то человек спускался с третьего этажа, чтобы идти обедать на первом, у табльдота, где, как помнит читатель, я познакомился с м-м Стюард. Поскольку наша дверь была открыта, и мы видели, кто спускается по лестнице, наше удивление было велико, когда мы услышали крик и увидели молодую девушку, которая его издала и бросилась к нам, взяв меня за руку, чтобы ее поцеловать, называя меня своим дорогим папой. Я повернулся к свету и вижу Ирен, с которой в Генуе я обошелся грубо из-за тона, который принял по отношению ко мне ее отец, говоря о бириби, которую я разорил у синьоры Изолабеллы. Я отобрал, естественно, свою руку и обнял ее. Маленькая хитрюга, изображая удивление, сделала глубокий реверанс Марколине, которая, придав себе благородный вид, стала прислушиваться к диалогу, который должен был завязаться после этого свидания между мной и красоткой, особенно, когда мы заговорили по-венециански.

- Какими судьбами здесь, моя красотка Ирен?
- Мы здесь уже пятнадцать дней. Боже! Как я рада встретить вас! У меня забилося сердце. Могу ли я сесть, мадам?

– Да, садитесь, – сказал я ей, наливая ей глоток вина, который ей помог отдышаться.

Поднялся слуга и сказал, что ее ждут; она живо ответила, что не хочет ужинать. Марколина, озадаченная, сказала слуге поставить еще один прибор, и приободрилась, видя, что ее распоряжение не вызвало у меня недовольства. Поставили суп, я сел за стол напротив этих двух девушек, сказав Ирен есть, потому что мы проголодались. Я сказал, что она нам после расскажет, по какому случаю она оказалась в Авиньоне.

Марколина, видя, что та ест хорошо, сказала, что она плохо сделала, отказавшись от ужина; та, обрадованная, что с ней говорят по-венециански, поблагодарила ее за проявленный к ней интерес, и вот, в три-четыре минуты они становятся добрыми подругами, вплоть до поцелуев. Я смеюсь над Марколиной, которая, всегда такая же, влюбляется в каждое красивое существо женского пола, которое видит. В диалогах, которые продолжаются, пока мы едим, я слышу, что ее отец и мать находятся у табльдота, и из восклицаний, которые она издает время от времени, узнаю, что это сам Бог пожалел ее, послав меня в Авиньон, я понимаю, что она находится в беде. Несмотря на это, Ирен, как всегда, весьма хорошенькая, сделала вид, что вполне довольна, что превосходно соответствовало игривым предложениям, которые ей делала Марколина, которая очень рада была узнать у нее, что та называла меня папенькой только потому, что ее мать говорила ей в Милане, что она моя дочь. Марколина смеялась от всего сердца над этой прекрасной историей и хотела увидеть поскорее эту мать, которая ужинала там, внизу, и которой я, должно быть, был любовником.

Мы еще сидели за жарким, когда пришел граф Ринальди со своей женой. Я пригласил их сесть. Если бы не Ирен, я бы плохо отнесся к этому старому мошеннику, который пытался требовать от меня контрибуцию за мою победу. Он упрекнул Ирен за дерзость, которую она проявила, явившись ко мне и не подумав, что она лишняя в прекрасной компании, что была со мной, но Марколина его разубедила, сказав, что Ирен лишь доставила мне удовольствие,

поскольку, будучи ее дядей, я не могу не радоваться, глядя на прекрасную компанию, в которой она оказалась.

– Я даже надеюсь, – добавила она, – что вы позволите ей спать со мной этой ночью, если это не доставит неудовольствия мадемуазель.

«Да, да» – с той и другой стороны; новые подруги обнимаются, и я должен этому посмеяться, несмотря на то, что такой расклад мне как раз не понравился, потому что у меня не было такой склонности, как у Марколины; но я всегда старался приспособиться к обстоятельствам. Как только эти две девочки уверились, что проведут ночь вместе, они обезумели от радости; я поддержал их веселье добрым шампанским и велел приготовить чашу пунша. Г-н Ринальди и его жена поднялись, хмурые, в свою комнату; Ирен после их ухода сказала нам, что француз, ставший ее любовником в Генуе, уговорил отца поехать в Ниццу, где состоялась большая игра; что в Ницце, не получив ничего из того, что пообещал француз, она должна была продать все свое, чтобы оплатить гостиницу, заверенная любовником, что все вернет себе в Эксе, где, как он уверял, он получит крупную сумму. В Эксе он не нашел тех людей, которые должны были помочь ему с деньгами, и она вынуждена была дать ему еще денег, чтобы вернуться в Авиньон, где, как он говорил, будет все как надо.

– Но здесь, – рассказала она, – тем более не нашлось ничего из того, на что надеялись, и ни у кого из нас не осталось ничего, чтобы продать, мой отец осыпал его упреками, так что бедный молодой человек убил бы себя, если бы я ему не помешала, дав ему, при условии, что он уедет, двойную накидку из рыси, что ты мне подарил в Милане. Он взял ее, заложил за четыре луи, и отдал мне квитанцию, заверив в письме, очень нежном, что направляется в Лион поправить свои дела, и что он вернется, чтобы отвезти нас в Бордо, где мы разбогатеет. Уже двенадцать дней, как он уехал, и мы не имеем от него вестей. У нас нет ни су, нам нечего продать, и хозяин собрался выставить нас за дверь без рубашки, если мы завтра не заплатим.

– Что думает делать твой отец?

– Ничего. Он надеется, что Божественное Провидение о нас позаботится.

– Что говорит твоя мать?

– Она всегда спокойна.

– А ты?

– Я терплю постоянные обиды, так как они говорят, что если бы я не влюбилась в этого несчастного, мы бы были еще в Генуе.

– А ты и вправду была влюблена?

– Увы, да.

– Значит, ты сейчас несчастна?

– Очень; но больше не из-за любви, потому что я больше об этом не думаю, а из-за того, что будет завтра.

– А за табльдотом никто в тебя не влюбился?

– Есть там три или четыре человека, которые делают мне на словах авансы; но зная, что мы в нужде, они не осмеливаются заходить в нашу комнату.

– Несмотря на это, ты весела; у тебя нет того грустного вида, который диктовала бы ситуация; я тебя поздравляю.

Это была такая же авантюра, как со Стюардом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.